К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Харьков 2008

К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

X III

Харьков 2008

Легенды и были старого физмата. Ч.XIII. Серия воспоминаний о Детях физмата. Вып. 4 / Кованько Н.М., Мазель Е.З., Ривкина Э.М., Розенберг В.Я., Тартаковский В.К., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - Х.: ХНУ имени В.Н.Каразина, 2008. - 56 с.

Книжечка продолжает серию неформальных воспоминаний о Детях физмата, приуроченную к 200-летию Харьковского университета.

Это тринадцатый сборник рассказов, которые авторы сочли достаточно интересными и способными послужить еще одной затравкой для дальнейших выпусков с участием других свидетелей былой увлекательной жизни легендарного старого физмата и его питомцев.

Для широкого круга читателей.

Издается по решению кафедры теоретической физики
от 12 октября 2001 года

© В.В.Ульянов, 2008

П Р Е Д И С Л О В И Е

Это юбилейное издание, как и аналогичные предыдущие, приурочено к 200-летию нашего Университета и физического факультета, в празднование которого мы погружены вот уже несколько лет.

Книжечка содержит рассказы бывших физматовцев о любопытных случаях из их жизни и учебы, а также некоторые другие материалы.

Не перестаю выражать свою глубокую признательность всем, кто внес вклад в эти сборники, особенно авторам многочисленных воспоминаний Ирине Петровне Гребенник, Кларе Прокофьевне Яцук, Виталию Валентиновичу Пустовалову, Виктору Константиновичу Тартаковскому, Анатолию Ивановичу Шарапову и Федору Семеновичу Рофе-Бекетову.

Отдельная благодарность Борису Викторовичу Кондратьеву за контакты со многими авторами и Николаю Владимировичу Ульянову за помощь при подготовке материалов всех выпусков ЛЕГЕНД к печати.

Количество авторов достигло 35. Краткие сведения о них помещены в конце сборника.

Приношу извинения верным авторам и читателям ЛЕГЕНД за задержку выхода очередного номера, вызванную работой над другими изданиями серий воспоминаний, о которых читатель может узнать из перечня, помещенного на последних страницах книжки. Приглашаю новых авторов к созданию письменного памятника СЛАВНОМУ СТАРОМУ ФИЗМАТУ.

Жду замечаний, уточнений и предложений, которые будут приняты с благодарностью.

Февраль 2008 года В.В.Ульянов

Э.М.Ривкина, Н.М.Кованько

НАШ ФИЗМАТ (ч.1)

Наш физмат – это 1945-1950 г.г. Мы – первый послевоенный набор студентов. Занятия в 1945 г. начались 17 сентября, так как 15 закончились экзамены на подготовительном отделении. К этому времени успели демобилизоваться и некоторые участники ВОВ. На физмат набрали 2 группы физиков (32 чел.) и 1 группу математиков. Занятия проходили на 2-м этаже старого химического корпуса. Здание зимой не отапливалось. В аудиториях протекали потолки, сыпалась штукатурка. В коридорах ощущался запах тушеной кислой капусты, доносившийся из столовой на первом этаже.

В первый день занятий мы познакомились с факультетской газетой «Вектор», в которой было напечатано замечательное стихотворение второкурсницы Гали ТАРАНОВОЙ:

ДРУЗЬЯМ – ПЕРВОКУРСНИКАМ

Уж много-много лет подряд
Из года в год ученых новых,
Талантливых, к труду готовых
Дает отчизне наш физмат.
Блестящей длинной вереницей
Сквозь эту дверь прошли они.
Теперь не только мы одни,
Но ими весь народ гордится.
А осени в начале каждой
Приходит юность им на смену,
Вступает смело в эти стены,
Влекомая познаний жаждой.
От имени всего физмата
Привет вам, юные друзья!
Здесь ждет вас дружная семья,
Здесь каждый будет вашим братом.
Здесь вы познаете вершины
Всех человеческих творений,
Здесь ждут вас трудности большие
И радость их преодолений.
И чтоб не нарушать традиций,
Чтоб честь физмата не ронять,
Должны вы целиком отдать
Себя науке и учиться.

Этот теплый прием способствовал сближению со старшекурсниками, и наши дружеские отношения во время учебы сохранились на многие годы.

С благодарностью вспоминаем наших замечательных преподавателей. С первого семестра (а всего в течение четырех и только нам) курс матанализа читал Михаил Николаевич МАРЧЕВСКИЙ. Прекрасный конспект его лекций (на укр. языке) содержал как теорию, так и примеры, что очень помогало усвоить материал*. Практические занятия по матанализу вел молодой строгий аспирант Владимир Александрович МАРЧЕНКО. Запомнился такой случай. У доски страдает студент. В.А. спрашивает, сдал ли студент экзамен за прошедший семестр. Получив утвердительнiй ответ, бросает реплику: „Очень жаль!”

Лекции по аналитической и диф. геометрии читал Дмитрий Захарович ГОРДЕВСКИЙ, по высшей алгебре – В.В.НИКИШОВ.

Со второго семестра начались лекции по астрономии и общему курсу физики. Последний читал Абрам Соломонович МИЛЬНЕР, бывший нашим деканом все 5 лет. Больше всего нам запомнились лекционные демонстрации в исполнении Елизаветы Ивановны ТЕР-МИКАЭЛЬЯНЦ.

Астрономию читал Исаак Михайлович ГОРДОН. Увлекшись изложением материала, он постоянно засовывал в карман черного костюма тряпку, которой вытирал доску.

С первого курса, желавшим изучать англ. язык преподавала Суламифь Юльевна КОМИССАРЧИК. Нам повезло учиться у нее 4 года. Проблемой была сдача „знаков”, для чего требовался физический журнал на англ. языке. Студентам таковых в библиотеке не выдавали. Через знакомых преподавателей доставали журнал, и „знаки” сдавали по нему все по очереди.

Одновременно с лекциями по физике начались практические занятия, на которых мы, для начала, ознакомились с логарифмической линейкой (!). Лабораторные работы мы

---

* Идет лекция. М.Н. пишет формулы на доске и произносит: «Сигма по j $\mathcal{U}(\rho)$ (у велике від ρ) $\sum_j \mathcal{U}(\rho)$”. Реплика студента: ”Как же она поёт в ведро?”

выполняли под руководством недавно демобилизовавшегося Владимира Николаевича КОСТИНА. Университет он окончил перед началом войны, и мы были его первыми студентами, вернее студентками, так как наша подгруппа состояла только из девушек. Молодой преподаватель был всегда требователен и серьезен, а мы изо всех сил старались «не ударить в грязь лицом». На первом курсе все факультеты изучали русский язык, а девушки на военной кафедре – программу подготовки медсестер. Через год нас от посещения военной кафедры освободили.

С первых месяцев учебы мы почувствовали теплую демократическую атмосферу в отношениях между преподавателями и студентами. На незабываемых факультетских вечерах в концертах самодеятельности участвовали и наши преподаватели, и студенты.

8 декабря 1945 года в актовом зале главного корпуса на Университетской улице был вечер встречи преподавателей и студентов физмата. М.Н.МАРЧЕВСКИЙ, прекрасно игравший на рояле, и в этот раз, и на последующих вечерах играл один или в 4 руки с кем-либо из студентов, а впоследствии неоднократно аккомпанировал нашему сокурснику Мише ГУРАРИЮ, игравшему на скрипке.

В 1951 г., когда мы (Ф.Р.) с Мишей работали на заводе, М.Н. по нашей просьбе приехал на заводской вечер, чтобы исполнить несколько номеров с Мишей.

Д.З.ГОРДЕВСКИЙ, помимо таланта преподавателя (его лекции часто сопровождались юмористическими замечаниями, что нам очень нравилось), обладал прекрасным голосом, в чем мы и убедились на вечере «встречи». И в этот раз, и в последующие годы, Д.З. радовал нас своим исполнением песен и романсов. Аккомпанировал ему А.С.ЛЕЙБИН. Особенным успехом пользовалась песня «Магараджа». Иногда он отказывался ее петь, ссылаясь на неоднократное исполнение, но зал всегда добивался своего, скандируя «Ма-га-рад-жу!» Д.З. выступал соло и в дуэте со своей женой Раисой Григорьевной, преподавателем географического факультета. Нужно отметить, что жены М.Н. и Д.З. обе прекрасно пели. Мне (Н.К.) довелось побывать на концерте в Доме ученых, где супруга М.Н.

исполняла романсы под его аккомпанемент.

В начале 1946 года в здании биологического ф-та был вечер, посвященный истории физмата. Были преподаватели, студенты и лица, окончившие физмат. Официальную часть вел М.Н.МАРЧЕВСКИЙ. Он рассказал о своих старых профессорах, об укладе в университете в его студенческие годы. Затем Лев Яковлевич ГИРШВАЛЬД сделал большой доклад об истории физмата. С воспоминаниями выступил академик Абрам Александрович СЛУЦКИН. Как и на вечере «встречи» в концерте участвовали преподаватели и студенты.

На 2-м курсе мы перебрались в физический корпус, который восстановили пленные немцы. К этому времени (осень 1946 г.) почти полностью восстановили новый химический корпус, а в нем (о счастье!) туалеты. Слова «пойти в хим. корпус» в течение всех лет учебы имели вполне определенный смысл, До войны рядом со старым хим. корпусом был дом Красной Армии. Теперь на его месте сквер и вечный огонь. Между этим домом и хим. корпусом был узкий проход, соединявший Университетскую ул. с Университетской горкой. Во время войны дом сгорел, и над проходом нависали большие куски арматуры. Для меня (Н.К.) это был кратчайший путь в университет. После очередного успешно сданного экзамена я возвращалась домой другой дорогой. На первом курсе с нами занимались Витя ЦУКЕРНИК и Мусик КАГАНОВ. С ними мы отметили окончание первого года учебы на физмате. В следующем учебном году они занимались уже на третьем курсе, сдав экстерном экзамены за второй. Университет они окончили на год раньше нас.

На 4-м курсе нас распределили по кафедрам. Я (Н.К.) выбрала кафедру радиофизики, которой заведовал А.А.СЛУЦКИН, а Фира – кафедру твердого тела, которой руководил Б.Я.ПИНЕС.

Для студентов, не бывших радиолюбителями, любые практические навыки были внове. Первое, что предлагалось на кафедре желавшим их приобрести, – намотать вручную трансформатор (естественно, после занятий). По-моему, никто из нас его так и не намотал.

Наш выпуск был последним, у которого кафедрой радиофизики заведовал А.А.СЛУЦКИН. Он сфотографировался

с нами. Это фотография всего выпуска физмата 1950 года (альбомы стали делать позже.) А через несколько дней мы узнали о его смерти. По состоянию здоровья ему нельзя было лететь в самолете.

Борис Яковлевич читал нам (Ф.Р.) спецкурс. За лекцию он успевал начитать массу материала. Наша остроумная сокурсница Люда СЫЧЕВА предложила ввести единицу скорости изложения материала в один «пинес». Мы считали, что Б.Я. читает со скоростью в 3 «пинеса». Иногда трудно было уловить суть, и мы переставали конспектировать. Но когда Б.Я., после выкладок на доске, поворачивался к нам, мы устремляли на него взгляд, полный заинтересованности.

Самые теплые воспоминания остались у нас о замечательном человеке – Анастасии Титовне МАШТАКОВОЙ. С первых дней учебы мы узнали, что А.Т. обладает огромным авторитетом и феноменальной памятью. Если после войны бывший студент физмата не имел документа, по которому его могли восстановить на соответствующем курсе, достаточно было свидетельства А.Т. Она всегда интересовалась жизнью студентов, помогала нам, чем могла.

Э.М.Ривкина

НАШ ФИЗМАТ (ч. 2)

Из первых впечатлений после поступления в 45 г. на физмат Харьковского университета в памяти у меня, поселившейся в общежитии на Шатиловке (проспект Ленина), осталось посещение общежития еще до первого дня занятий деканом физмата Абрамом Соломоновичем МИЛЬНЕРОМ. Он пришел познакомиться со студентами факультета, проживающими здесь. Он долго очень тепло разговаривал со мной. Для меня, приехавшей в Харьков из далекого Алтайского края (где мы жили в эвакуации), это было большой моральной поддержкой.

В ч. 1 воспоминаний мы рассказали о самых первых впечатлениях о наших преподавателях, об атмосфере на факультете в те годы. Во второй части хочется рассказать о последующих годах. Лекции по индифуру (интегрирование дифференциальных уравнений) читал нам Петр Макарович Дармостук. На экзамене он с пониманием относился к нашей

взаимовыручке. У нас было неписаное правило: первый, сдавший экзамен, и все последующие ждут за дверью, пока сдаст последний. Устанавливалась линия связи между сдавшими, находящимися в коридоре, и сдающими в аудитории, по которой последние передавали условия примеров и получали шпаргалки с решениями. Одну такую шпаргалку поручили мне доставить в аудиторию. Я, пригнувшись, преодолела часть аудитории. оставалось самое главное – преодолеть проход. В это время дремавший в ожидании отвечающего Петр Макарович открыл один глаз и сверху вниз посмотрел на меня. Встретившись с ним взглядом, я замерла, но Петр Макарович снова деликатно закрыл его, и поручение было выполнено.

Аналогично работала линия связи на экзамене по теормеханике, которую вел у нас Григорий Яковлевич Любарский. Коле Багрову передали шпаргалку с решением задачи. Он сунул ее в карман и, довольно улыбаясь, подмигнул Диме Дун, которая кончила отвечать и собиралась выходить. Она решила, что Коля приготовил записку для выноса, подошла к нему и незаметно для него самого вытащила ее из его кармана и унесла. Коля, куривший в это время у окна, возвращается на место, чтобы разобраться в решении, не обнаруживает записку и растерянно шарит по карману. В это время за дверью Митя Долгополов разобрал «почту», принесенную Димой, и ужаснулся, увидев шпаргалку с решением, с таким трудом переданную Коле. Последний, потеряв надежду найти листок с решением, попросил у Григория Яковлевича разрешения выйти и за дверью получил снова спасительную шпаргалку. Лекции Григорий Яковлевич читал очень живо и любил, когда студенты на лекциях вели себя активно. К наиболее активным относились три наших Володи: Ковалевский, Каганер и Славин. Когда они начинали спорить между собой, Любарский заявлял: «Разговаривать можно только со мной, между собой запрещается». Когда предлагались разные способы доказательства, он говорил: «Мало ли есть способов войти в открытую дверь?!»

Лев Яковлевич Гиршвальд преподавал нам теорию вероятности. На экзамене он выслушивал отвечающего, а потом сам терпеливо и «добросовестно» объяснял каждому суть трех

вопросов, заключенных в билете. Неудивительно, что экзамен, начинавшийся в 9 часов утра, заканчивался поздно вечером, после чего мы все вместе провожали его домой.

Александр Яковлевич Повзнер (теория функций комплексных переменных) проводил экзамен очень своеобразно. Он раздавал билеты и на полчаса покидал аудиторию, предоставляя нам полную свободу списывания и взаимного консультирования. Затем Александр Яковлевич возвращался, и начинался экзамен. Билет каждого сдающего переворачивался со словами: „Билет вы знаете. А теперь решите пример”. При трех неправильно решенных примерах студент уходил с двойкой. При первом заходе сдать теорию функций удавалось немногим.

Александр Ильич Ахиезер читал лекции по электродинамике очень темпераментно, быстро шагая по проходу. Иногда ему „случайно” подставляли в проходе стул, и когда стул опрокидывался, все старались сдержать веселый смех. Он был одним из самых любимых наших преподавателей. У него был особый метод чтения лекций, благодаря которому втягивалась вся аудитория. Однажды он написал на доске $\overline{X}$ и спрашивает: „Что это такое?” Мы недоуменно молчим. Ахиезер возмущен: „Халтурщики! Как вы дошли до 4-го курса?! Что это такое, я вас спрашиваю?!” Вдруг раздается голос Володи Ковалевского: „Величина”. Александр Ильич начинает улыбаться: „Правильно! Какая величина?” Тут уж мы ответили хором: „Векторная!” Ахиезер: „Правильно! Производная от нее по времени какая величина?” Опять хором: „Векторная”. Александр Ильич доволен. Дальше следуют вопросы и ответы: „Что это такое?” – „Величина” – орем мы. „Как она называется?” – „Скорость!”. И тут Володя машинально произносит в общем хоре: ”Ускорение”. Ахиезер разозлился: „Неправильно! Начинаем все сначала!” И опять: „$\overline{X}$ – что это такое?” и т. д. На этот раз мы уже орали так громко, что было слышно во всем коридоре.

Большое чувство юмора было присуще Вениамину Леонтьевичу Герману. Он читал нам курс теории сплошных сред. Обычно он исписывал доску мелким почерком, используя каждый пропущенный участок и ничего не стирая. Однажды я запуталась в порядке записи выкладок и стала заглядывать в конспекты моих соседок по столу Нины Кованько и Нади

Носуленко, но и они беспомощно остановились. Нас это рассмешило. Герман поинтересовался: „Почему у вас так весело?” Когда я объяснила, что написано мелко и трудно уловить последовательность, Вениамин Леонтьевич ответил: „Не смею укрупнением портить ваше настроение” – и продолжал в том же духе. Пожалуй, самым запомнившимся был эпизод, когда мы у Германа увели машину. Как-то на лекции он предложил нам решить задачу и ушел. Мы решили до перерыва отдохнуть и вышли во двор, где стояла его машина. Ребята подошли к ней и произвели наружный осмотр, после чего попытались ее сдвинуть. К их удовольствию, машина пошла, и тогда родилась идея спрятать ее. Не долго думая, они покатили ее за угол здания. Не успели они закончить работу, как кто-то крикнул: „Ребята, Герман”. Мы все бросились в аудиторию. Герман шел, задумавшись, и, не заметив исчезновения машины, вошел в аудиторию. Он не очень удивился, когда узнал, что мы ничего не сделали, так как ему объяснили, что мы устроили продолжение перерыва. Наскоро объяснив идею, он вышел, так как звонок уже давно прозвенел. Мы все ринулись за ним. Герман подошел к месту, где стояла машина и удивленно оглянулся. Потом он быстро направился к проходной. Мы послали туда Колю Багрова. Позже он рассказал нам, что Герман взволнованно обратился к дежурному: „Вы не выпускали зеленого „Москвича?” „Нет” – невозмутимо ответил он. Герман возвращался назад дорожкой около химфака. В это время ребята с лихорадочной быстротой катили машину назад. Не успели они чуть-чуть докатить, как раздался тот же возглас: „Герман!” Все бросились врассыпную, а потом собрались вместе, чтобы наблюдать дальнейшие события. Вениамин Леонтьевич еще издали увидел машину и подходил, улыбаясь. В это время из корпуса вышли Анастасия Титовна и Лев Яковлевич Гиршвальд. Герман подошел к ним и сказал: „Понимаете, произошла обычная история. У меня детишки в УФТИ перекатывают машину. Здесь произошло то же самое” ...Подойдя к нам, он повторил те же слова. Несколько смущенные, мы подошли к машине, и началась дружеская беседа. Вениамин Леонтьевич „проконсультировал” нас, какие еще пакости можно подстроить водителю, рассказал, как получил водительские права и пр.

Вспоминаю еще один инцидент, связанный с Германом. Было время, когда на физмате и во всем городе периодически отключалось электричество. Как-то в 8 часов утра, когда было еще почти темно, Герман стоял в деканате и смотрел в окно. В деканат вошел Лева Ронкин – студент 1-го курса. Приняв Вениамина Леонтьевича за нашего сокурсника Леву Корсунского, он подошел к нему сзади, хлопнул по плечу и произнес: „Привет, тезка!” В ответ никакой реакции. Уязвленный такой неприветливостью Ронкин стукунл его вторично со словами: „Левка, привет!” Герман медленно повернулся, Лева отскочил и стал лепетать извинения, но Герман спокойно ответил: „Я передам Корсунскому ваш привет”. Рассказывали, что на следующий день он встретил Корсунского, крепко стукнул его по плечу и сказал: „Тебе привет!” Ронкин же интересовался: „Как вы думаете, Герман забудет это до 4-го курса?”

Илья Михайлович Лифшиц читал нам термодинамику. Он относился к нам строго и требовательно, особенно требовательно к теоретикам. Чтобы изложение материала получалось последовательным, он каждую лекцию начинал словами: „На прошлой лекции...” Он прекрасно играл на фортепиано и часто выступал на наших вечерах.

У каждого преподавателя была своя методика изложения материала. Очень интересно читал лекции по строению материи и квантовой механике Леонид Моисеевич Пятигорский. Он так же очень интересно проводил у нас политчасы. Леон Моисеевич Матлис читал лекции по урмату (уравнениям математической физики) бесстрастным однотонным голосом, но конспектировать было легко и понятно.

Когда мы писали эти воспоминания, хотелось никого не забыть. Но, хотя мы помним еще многих и многое, не хотим злоупотреблять вниманием энтузиастов, взявшихся за такой огромный труд – все это организовать и напечатать.

В заключение хочется пожелать, чтобы факультет и университет гордились своими выпускниками, а они всегда с любовью и гордостью говорили: «Это наш физфак!», «Это наш мехмат!».

В.Я.Розенберг

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ФИЗМАТЕ

Лето 1947 года. Второе лето после окончания войны. Еще очень остро воспринимается радость победы, ощущение безопасности жизни. Солнечно. Зеленый двор старого здания Харьковского государственного университета им. А.М.Горького, в котором расположены здания физико-математического и химического факультетов. Математический корпус располагается в здании бывших царских конюшен. Во дворе собираются поступающие на физико-математический факультет. Должна состояться первая консультация по математике перед вступительным экзаменом. Здесь и вчерашние школьники, и демобилизованные воины. Среди них два выпускника 95-й харьковской средней школы, которая находится неподалеку от Университета, если память мне не изменяет, в Плетневском переулке. Один из них Игорь Гришаев. Красивый, смуглолицый, талантливый, душевный, хорошо воспитанный мальчик. Большая умница, будущий доктор наук, профессор, руководитель большого научного коллектива в Украинском физико-техническом институте (УФТИ), создавшего впоследствии первый линейный ускоритель. Лауреат Государственной премии. Второй – автор этих строк. Мы, естественно, держимся рядом, и я, как сейчас, вижу выражение лица Игоря, слышу его голос. Все происходившее вокруг запомнилось очень ярко, хотя с тех пор прошло уже 57 лет. Видимо, сказывается важность переживаемого момента, новизна обстановки, – мы становимся взрослыми.

Первую консультацию должен вести кандидат физико-математических наук А.В.Погорелов. Во дворе появляется очень молодой человек, в желтой трикотажной рубашечке с короткими рукавами, с копной кудрявых черных волос на голове. Он выглядит моложе, чем некоторые из поступающих, прошедших войну, как например, Борис Сафронов. Чуть позже, в аудитории мы с удивлением узнаем, что этот молодой человек и есть консультант – Алексей Васильевич Погорелов, впоследствии выдающийся геометр, будущий академик АН СССР, лауреат Ленинской премии. Изучая двор, мы с Игорем идем от здания химического корпуса к математическому, и тут во дворе появляется высокого роста девушка, с выражением собственного достоинства на лице, с высоко поднятой головой, на которой красивая прическа. Увидев ее, Игорь произносит слова, которые я помню до сих пор: «Вот это девушка!» На лице его появляется выражение восхищения. Видно, что это для него, как удар молнии. Видимо, это судьба. Все мы, сокурсники, были свидетелями того, как Игорь долгие годы оставался верен этому первому порыву и из всех девушек выделял только одну, Иру Гребенник. К окончанию Университета все закончилось свадьбой, и Игорь пронес эту любовь до конца жизни. Вспоминая все это, думаю, что нам очень повезло, – мы учились в очень сильном, одном из старейших университетов страны. Часть лекций нам читали на украинском языке, которого я не изучал до того, как например, математический анализ профессор Г.И.Дринфельд. И когда на 2-м курсе он перешел на русский язык, то мы не сразу это заметили. Овладение украинским языком радует меня и до настоящего времени. Мы за эти годы обрели настоящих, бескорыстных друзей. Перечислить их всех практически невозможно, так как для этого нужно назвать всех сокурсников. Полученные знания позволили всем нам успешно раздвигать границы познанного. Так уж случилось, что физико-математические науки за прошедшие десятилетия оказались самыми востребованными. Производительность труда в области переработки информации и потенциальная вычислительная мощность человечества за последние 60 лет возросли не менее, чем на 12 десятичных порядков. В этом огромная доля заслуг физики и математики. Это основа надежды на то, что научные знания о природе будут дополняться знаниями о жизни человеческого общества и обеспечат достойную жизнь стран и народов.

Эти строки появились по инициативе Клары Яцук, красивой девушки с добрыми глазами, и благодаря активности Юры Дьякова, которым я признателен за возвращение в те счастливые дни. 10.11.2004

Е.З.Мазель

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Моя учеба на физико-техническом факультете МГУ внезапно прекратилась в 1951 г., когда меня вместе со всеми евреями, учившимися на специальности «ядерная физика» и смежных с ней, исключили из Университета. Я на первом курсе учился на специальности «термодинамика», что из соображений секретности означало «ракетная техника», и оттуда я перешел на специальность «ядерная физика», куда мне очень хотелось попасть. Теперь, когда студентов-евреев специальностей «термодинамика» и «аэродинамика», что означало «авиационная техника», не исключали из МГУ, я предпринял попытку остаться на ФТФ. Я обратился ко Льву Давидовичу Ландау с просьбой постараться мне помочь это сделать, потому что он был хорошо знаком с академиком М.В.Келдышем, возглавлявшим специальность «термодинамика». Лев Давидович с ним встретился, попросил за меня, и тот сказал, что он меня примет. Это было понято, как некая надежда остаться, но когда я к нему попал, он нашу встречу превратил в некое издевательство надо мной. Он только спросил, почему я ушел на другую специальность и почему я сейчас хочу вернуться. Рассказывать ему об антисемитских действиях властей не имело смысла, так что я очень невнятно сказал, почему я хочу вернуться. На что Келдыш сказал, что ренегаты ему не нужны, и на этом свидание окончилось. В это время решался вопрос об устройстве всех исключенных студентов-евреев, и этот процесс представлял собой издевательство более широких масштабов. Прежде всего, когда нас спросили, что мы хотим, все сказали, что мы хотим остаться в МГУ на физическом факультете. На что нам было сказано, что это невозможно. А что возможно? Можно остаться в любом московском институте. Нами были названы инженерно-физический институт и другие институты того же профиля и класса. Нам было сказано, что в этих институтах остаться нельзя, а можно остаться в любых других московских институтах. «В каких же?» – спросили мы. «Ну, в рыбном институте, институте пищевой промышленности, в архитектурном»… Этот вопрос мы даже обсуждать не стали. Мы сказали, что хотели бы, если не получается в Москве остаться, перейти в провинциальные университеты. Пожалуйста, можете в любой университет, кроме Московского. Тогда кто-то захотел в Киевский, кто-то в Ленинградский. Им было сказано: в любой университет, кроме этих. В это время напряжение в нашей группе росло, нервы кое-кого сдавали, и один из наших самых лучших студентов Рудик Эскин во время нервного срыва выбросился в окно шестого этажа и погиб. Возможно, это как-то изменило действия властей по отношению к нам, быть может, не хотели огласки. Не знаю. После этого очень хорошего студента Алика Захарова оставили на физфаке, четверых – Перлова, Ландау, Каца и Ходоса – перевели в Горьковский университет, двоих – Диковскую и Шера – перевели в Ленинградский университет... А со мной вопрос решился следующим образом. Я опять-таки попросил Льва Давидовича Ландау помочь мне попасть в Харьковский университет. Он поговорил со своей женой, а жена его была хорошо знакома, они учились в одной группе, с начальником Главного Управления Университетов Министерства Высшего Образования. Он сказал: «Харьковский? Нет проблем», – и тут же написал приказ о моем переводе.

Почему же я выбрал Харьковский университет? Прежде всего, город Харьков был местом жительства многих моих родственников, а что касается моих папы и мамы, они жили в Харькове давно, папа с 1914 года, мама чуть позже. Жили они там до 1929 года. Там же они и поженились. А кроме того, там жила тетя Берта, сестра моего папы, и ее сын Леля (Илья Михайлович Лифшиц), который мне, кстати, сказал, что Харьковский университет – хороший университет, что преподавание на физико-математическом факультете ведется на достаточно высоком уровне. И это тоже сыграло роль в моем решении. И главное, пожалуй, то, что мой папа посоветовал выбрать этот университет. Сразу после того, как я получил приказ о моем переводе в Харьков, я поехал туда с тем, чтобы устроиться, и попросил двоюродного брата Лелю помочь мне. Я пошел на прием к декану физико-математического факультета, человеку по фамилии Сластенов, и обратился к нему. Он взял бумагу с приказом и спросил меня, как я учился на физтехе. Я ему показал документы, из которых он увидел, что у меня, кроме одной оценки «4» по физике за второй курс, все оценки отлично. Он поднял брови, помолчал и попросил меня подождать за дверью. Тогда туда пошел мой брат и стал с ним разговаривать. Он говорит: « В чем дело? Это действительно Ваш брат? Да он какой-то авантюрист. Не поддельные ли документы? Кто это из Московского университета со всеми пятерками хочет перейти в Харьковский». Брат тоже особенно не мог объяснить ему, сказав: «Так, есть некоторые семейные обстоятельства. Я Вас очень прошу». Но все это были разговоры, так как у него на руках был приказ. Он с большим удивлением этот приказ завизировал…

Несколько слов о том, что собой представлял физико-математический факультет Харьковского университета. Этот факультет, общий для математиков и физиков, отличался по структуре от более крупного в Московском университете, где имелись мехмат, физфак и в то время еще и физтех. Здесь все эти специальности объединялись на одном факультете. Среди выпускаемых специальностей были математики, механики, астрономы, физики-теоретики, радиофизики, физики со специальностью «физика твердого тела», а также были специальные кафедры, которые так же, как и в Москве физтех, готовили специалистов по ядерной физике. Я выбрал специальность «физика твердого тела». Почему я это сделал? Прежде всего, как и выбор университета, я сделал по совету моего папы. Тем не менее, можно сказать, какие при этом действовали у меня соображения. Прежде всего, на ядерную физику я не собирался подавать, с меня хватило и одного опыта, кстати, декан при переводе так и сказал: «На специальность «ядерная физика» я взять Вас не могу». На теоретическую физику я не пошел, несмотря на то, что уже к концу четвертого курса решил переходить в физики-теоретики и идти в ученики к профессору Смородинскому. Но здесь, в Харькове, я этого не сделал. Я боялся в значительной степени этой специальности и, кроме того, не хотел позорить своего брата, который заведовал кафедрой теоретической физики в Харьковском университете. И вообще неудобно идти на специальность к своему брату. На специальность «радиофизика» я не захотел идти, потому что считал, что тот, кто идет на радиофизику, должен быть, как минимум, радиолюбителем. И получилось, что я выбрал физику твердого тела. Кроме того, хочу сразу сказать, что я перевелся, окончив четвертый курс, не на пятый, а опять на четвертый, как бы остался на второй год. В некотором смысле это не так, потому что на физтехе было 6 лет обучения, а в Харькове 5 лет. Почему я поступил таким образом? Ну, прежде всего, любую специальность надо догонять – уже три года студенты были связаны как-то со своей специальностью, а для меня она была

совершенно новой. Но главная причина была не в этом. Главная причина была в том, что я принял решение постараться пройти военную кафедру и сдать на ней экзамен – в противном случае мне предстояла служба в армии. А надо сказать, что нагонять военное дело было гораздо сложнее, чем любой другой предмет. Дело в том, что военным делом однокурсники занимались с первого курса три года, тратили каждый год по одному дню в неделю, так что объем того, что было пройдено на военной кафедре, был достаточно большим. Я обратился на военную кафедру с просьбой, там решили, что это дело не осуществимо, но разрешили мне попытаться пройти военную кафедру за один год, потому что военная кафедра заканчивала свое преподавание после 4 курса и военных лагерей. Немного о том, что собой представляла кафедра физики твердого тела. Ее возглавлял профессор Борис Яковлевич Пинес, человек довольно известный в то время в области твердого тела, доктор наук. Вместе с ним работали Хоткевич, Гегузин и Бублик. В область научных интересов Пинеса входили рентгеноструктурный анализ и вопросы кристаллографии. Хоткевич занимался прочностью твердых тел, Гегузин – вопросами диффузии и спекания порошковых материалов. Чем занимался Бублик, я уже не помню, он помогал Пинесу.

В конце августа 1951 г. я приехал в Харьков. Как решил папа и как он договорился, жить я стал у тети. Несмотря на то, что тетя Берта жила в одной комнате, а Илья Михайлович, Леля, ее сын, имел роскошную четырехкомнатную квартиру, папа решил, что мне так будет удобнее. Кроме того, тетя имела возможность обо мне заботиться, чего конечно при моей жизни у Лели не имело бы места. Несколько слов о доме, в котором жила тетя Берта. Тетин муж профессор-медик Михаил Ильич Лифшиц был видным специалистом. У него была мировая известность. Он был богатым человеком, и в Харькове на углу Иванова и улицы, которая в советское время называлась улицей Артема, у него был трехэтажный дом, в котором он и проживал до революции. После революции он остался жить в Харькове и продолжал свою медицинскую деятельность, причем в силу своей известности, таланта и возможностей, он занимал достаточно высокое положение и, в частности, лечил Фрунзе и Дзержинского. Поэтому советская власть решила его не обездоливать, оставив ему в качестве квартиры второй этаж этого дома, где до войны его семья и жила. Он умер в 1935 году, а его семья в начале войны эвакуировалась в Алма-Ату. После войны тетя с сыном Ильей Михайловичем и его семьей вернулась в Харьков, но квартиру ей уже не вернули. Ей вернули две комнаты. Илья Михайлович получил жилплощадь от института, в котором он работал. Одну из двух комнат отдали сестре тети Берты, тете Анне с дочерью, а сама тетя Берта осталась жить в одной комнате…

Немного о том, как я жил это время у тети Берты. Она спала на кровати, я – на диване. На ночь она загораживала кровать ширмой, и так мы жили. Тетя заботилась обо мне, в первую очередь, о том, чтобы я хорошо кушал. Кроме того, мне папа с мамой присылали деньги, добавку к стипендии. Я старался обедать в ресторане днем, чтобы не очень дорого, и хотел тем самым как-то освободить тетю от дополнительной нагрузки. Тем не менее, утром и вечером она старалась меня накормить, ходила днем в мое отсутствие на базар за продуктами, в Харькове это было принято, и готовила вкусно, так что отказаться мне было тяжело… Вообще тетя была большим мастером по части откармливания. Мне рассказывали, что после того как Ландау вышел из тюрьмы, он представлял собой кожу и кости, вид его вызывал опасение за его

здоровье, и Ландау отправили к тете на откорм. Она тщательно расспросила, что он любит и что хотел бы есть. После этого она научным образом приступила к решению проблемы. За короткое время, которое он гостил у тети Берты, Ландау поправился на 8 кило.

Раз в неделю я приходил в гости к Леле. Визиты эти имели практическую цель. Я мылся у него в ванне, обедал и оставался ночевать. Хочу рассказать, как жил тогда Илья Михайлович. Он был заведующим отделом теоретической физики Украинского Физико-технического Института (УФТИ) и был заведующим кафедрой теоретической физики Харьковского университета. Он уже был членом-корреспондентом украинской Академии Наук, по-моему, в это время даже стал украинским академиком. Положение его в Харькове и в этом Институте было достаточно почетным. У него была роскошная, и не только по тем временам, квартира. В ней было 4 комнаты: столовая, кабинет, спальня и детская комната, где жила его дочка Лида. Обставлена квартира хорошей мебелью, хорошими вещами. Когда я приходил, это было перед обедом, обед был довольно поздним, Леля был дома. Вообще он значительную часть времени проводил у себя дома. Чем он занимался? Он занимался немного работой, читал книги. У него был хороший слух, и он хорошо играл на рояле. В свое время он получил музыкальное образование. Но главное в его жизни увлечение с детства были марки. Он был видный филателист.

Марки занимали весь кабинет – много шкафов, в каждом шкафу множество альбомов. Как он мне говорил, в основном, он собирал марки Западной Европы до 1914 года… Илья Михайлович был очень большим специалистом в части того, как обращаться с марками, как их реанимировать. Когда у него были гости, он, как правило, показывал свою коллекцию. Мне он марки показывал из своих рук и все о них рассказывал. Как-то при мне в гостях у Ильи Михайловича был Ландау. Он выразил свысока некий интерес к маркам, сам, не спрашивая, взял какой-то альбом и стал его листать. Я видел, что Леля весь дрожал из-за такого варварского обращения с марками, но, тем не менее, он сдержался и ничего не сказал. Но потом, когда смотрение марок кончилось, он вздохнул с облегчением. Когда Леля, Илья Михайлович, переезжал в Москву, это произошло много-много позже, ехало несколько машин легковых, груженых этими альбомами с марками. Впереди и сзади ехали машины, охраняющие эту кавалькаду... Тут уже к слову пришлось, как оказался И.М.Лифшиц в Москве. Когда умер Лев Давидович Ландау, стал вопрос, кто займет его место, кто будет руководить теоретическим отделом в Институте Физпроблем. Капица сказал, что в Советском Союзе есть только один достойный человек, которому можно позволить занять это место. Это Илья Михайлович Лифшиц. И Капица стал приглашать, уговаривать его переехать в Москву. Соглашение было достигнуто… В университетском здании ему была предоставлена квартира, еще более роскошная, чем в Харькове, и в эту квартиру марки переезжали под такой охраной. Вернемся к моим еженедельным визитам. Я с ним во время визитов общался, он уделял мне внимание, хотя я был тогда мальчишкой. Тем не менее, он был очень внимателен ко мне. Мы беседовали, конечно, не о физике, а о литературе и музыке. Я уже говорил, что он хорошо играл и часто играл при мне. Он знал литературу, знал стихи блестяще, очень много стихов знал на память…

Сейчас я расскажу, как происходила учеба на физмате Харьковского Университета. Я ходил на занятия, слушая общие лекции для всего потока. В это время были в основном общественные науки. По поводу того, что собой представляли эти лекции, я не помню ничего. Но я помню, что это было то время и то место, когда я видел весь курс и когда я знакомился не только со студентами своей группы, но и с другими интересными ребятами. Лекции по теоретической физике читал мой брат. Я должен сказать, что мне очень понравилось, как он читал, понравилось больше, чем лекции Ландау в МГУ. Лекции Лифшица носили более живой характер, он, если можно так выразиться, спускался до студентов, а Ландау считал, что студенты должны понимать, что он читает, если не понимают, то это их проблемы. Лекции Ильи Михайловича очень любили, на них ходили люди, уже окончившие физмат. Что касается некоторых глав математики, я помню, как читал Григорий Яковлевич Любарский, он тоже читал достаточно неплохо, так, как читал нам на физтехе математику Никольский, т. е. интересно и доходчиво. Других лекторов я, пожалуй, не помню.

Значительная часть занятий проходила в нашей группе на кафедре физики твердого тела. Там нам читали лекции заведующий кафедрой Борис Яковлевич Пинес и доцент Яков Евсеевич Гегузин. Борис Яковлевич читал нам лекции по рентгеноструктурному анализу и по кристаллографии. Он читал так, что за ним было легко записывать, и его конспектами можно было пользоваться вместо учебников. Говорили, что лекции можно или слушать, или записывать. Если ты будешь слушать, стараясь все понять, ты не успеешь ничего записать, а если ты будешь все записывать, то ты не в состоянии будешь понять смысл того, о чем говорит лектор. Но у тех, кто умел читать лекции, можно было успеть и то, и другое. Яков Евсеевич читал физические основы металловедения. Он читал чуть ли не нараспев и во время чтения все время прерывался, что-то обсуждая со студентами. Это тоже было достаточно живо и облегчало наше схватывание предмета. Что собой представляла наша группа? В нашей группе был 21 человек, примерно пополам, 11 мальчиков и 10 девочек. Среди девочек была группа, довольно значительная, такая, которая училась неважно, понимали плохо. Видимо, при поступлении конкурс был незначительный или совсем не было. Эти девочки далеко идущих задач не ставили, а планировали, что после окончания пойдут преподавателями физики в школы или, в лучшем случае, в техникумы. Все остальные, 5 девочек и 11 мальчиков, ставили перед собой задачи такие: окончив университет, они будут стараться работать в области физики твердого тела. Один студент наш был из Северной Кореи. Он был значительно старше нас, был очень аккуратный, настойчивый, трудолюбивый. Он, наверное, занимался больше любого из нас. На кафедре радиофизики учился еще один корейский студент, очень красивый, с кукольным лицом. Он, напротив, ничего не делал. Наш кореец Пек Ен Гон старался овладеть русским языком, это ему удавалось, он говорил не совсем правильно, но достаточно понятно. И сам понимал то, что нам читали, иногда приходилось ему помогать. А вот другой корейский студент, его звали И Хо Дюн, если и изучал русский язык, то только для себя. Когда к нему обращались экзаменаторы, он сразу переставал понимать русский язык, и ему отметки ставили просто так.

Еще не совсем обычным студентом в нашей группе был Боря Генкин, такой неряшливый молодой человек. У него был полный ветер в голове, к нему никто не относился серьезно. Так и в дальнейшем он своего пути не нашел. Работал в разных местах, так что я не очень понял, кем он стал и что он сделал.

Кроме лекций, на кафедре мы занимались практической деятельностью. Сначала это были лабораторные работы, а потом наши практические занятия постепенно переросли в выполнение дипломных работ. Что касается моей дипломной работы, ее мне выбрал Борис Яковлевич. Он был моим руководителем. Дипломная работа носила смешанный характер, состояла как бы из двух частей. Одна часть заключалась в разработке конструкции рентгеновской трубки с изменяемым размером фокусного пятна. Фокусное пятно – это то место, которое на аноде излучает пучок рентгеновских лучей. Конструкция позволяла величину излучающего пятна регулировать, а задача была в том, чтобы, регулируя мелкими шагами и ступенями, добиться минимального размера фокусного пятна, что позволяло уменьшить ширину линий на структурных рентгенограммах, делать их более тонкими и резкими. Это позволяло повысить разрешающую способность на рентгенограммах, а это, в свою очередь, позволяло решать более сложные и тонкие задачи рентгеноструктурного анализа. Эта чисто практическая задача имела перед собою цель – изучить новое соединение, получить его рентгеновские снимки и сделать на их основании какие-то выводы. Работа, я думаю, не была особо выдающейся, но вполне доброкачественной. Во всяком случае, она была напечатана в «Журнале технической физики», быть может потому, что в ней соавтором был человек, который старался, чтобы у него было как можно больше публикаций. Это была моя первая печатная работа…

Главным для меня на физмате было занятие военным делом. Я уже говорил, что моя задача состояла, чтобы изучить множество предметов, моими сокурсниками уже давно изученных… Кафедра наша готовила по специальности «командир взвода зенитной артиллерии», и по окончании этой кафедры присваивалось звание младшего лейтенанта. Надо было изучать зенитную артиллерию, а также приборы управления этой артиллерией, так называемые ПУАЗО – прибор управления зенитным огнем… Кроме того, нужно было изучать стрелковое оружие, разбирать и собирать автомат, пистолеты. Впоследствии даже стрелять. Артиллерию нужно было изучить теоретически, по учебникам. Я уже не знаю, то ли потому, что дело было новое, то ли потому, что дело было ответственное, я к нему отнесся добросовестно и изучал военное дело гораздо тщательней, чем рентгеноструктурный анализ и физические основы металловедения, которые были просто интересны. Для того чтобы их изучать, достаточно было слушать лекции. А в военном деле надо было зазубрить все, что было написано, и кое-что понимать. Год окончился, экзамены военные я сдал нормально, и мы выехали на месяц в лагеря. Это было для меня дело совершенно новое и неизвестное. В лагеря мы ехали в поезде, а потом на большом катере. Плыли по Днепру, потом по Десне, а занятия проходили под городком, который называется Остер. В этом месте из года в год были лагеря, там все было для этого оборудовано. Прибыв туда, мы первым делом получили обмундирование, сложив гражданскую одежду, куда нас просили. Обмундирование наше официально называлось обмундированием 4-й категории – описать его было невозможно, можно было только догадываться, каким оно было вначале… Вид мы в нем имели забавный. Жизнь наша в лагерях была своеобразной. Для моих сокурсников она, по-видимому, была не первым опытом – они на младших курсах уже были в лагерях – а мне было все внове. Прежде всего, палатки. Они были большими, квадратными,

углубленными вниз так, что полотно соприкасалось с землей на уровне нашего пояса. Остальное была яма в земле. Было большое возвышение – это нары, на которых мы спали. На них были положены мешки с соломой, чтобы мы не спали на голой земле. Каждое отделение состояло из 13 человек, которые умещались на нарах только боком, вплотную друг к другу, так что если ночью хотелось перевернуться, нужно было делать, как по команде: раз – и все оказывались на другом боку. К утру атмосфера становилась весьма насыщенной, несмотря на то, что в теплую погоду бока палатки отбрасывались и воздух продувался. Помню, что мы занимались строевой подготовкой, маршировали. Кроме того, у нас были теоретические занятия, изучение материальной части, т. е. пушек калибра 37 мм и 85 мм. И мы с этими пушками выезжали в поле и вели как бы стрельбы или что-то похожее на них. Стрельб настоящими снарядами у нас не было. Кроме того, мы сами должны были изучать и орудие, и боевые места расчета, и работу каждого номера. Расчет пушки – 6 человек. Как только наблюдение за нами снималось, основная масса слезала с орудий, разбегалась по кустам и переходила в горизонтальное положение. Это у нас называлось выводить пузырек на середину. Имелось в виду, что у нас как будто бы на наших животах лежит уровень, и мы занимаем такое положение, когда воздушный пузырек уровня находится на середине. Наш пупок также оказывался на самом высоком месте. Очень быстро в таком положении мы засыпали. Ночью наш сон нельзя было назвать нормальным или здоровым. Вот так, с одной стороны, очень утомительно, а с другой стороны, достаточно весело проходила наша жизнь в лагерях. После лагерей у нас были примерно месячные каникулы, в которые я съездил в Москву домой, а вернувшись, сдавал госэкзамен по военному делу. Этот экзамен принимался очень серьезно. Принимала его комиссия, в которой было два генерала и, по-моему, человек 6 полковников. Надо было обращать внимание на то, как ты отвечаешь, как держишь указку, как ты отставляешь или не отставляешь ногу, как ты держишь мизинец. И отвечать нужно было четко и, по возможности, правильно. Я все эти требования постарался выполнить и, кажется, выполнил, потому что во время моего ответа лица всех генералов и полковников выражали полное удовлетворение. Ну, и отметка была пятеркой. Специально было отмечено, как невероятное событие, что я, не занимаясь регулярно, сумел превзойти все трудности и сдать экзамен. Воспоминание о процессе сдачи экзамена у меня сохранилось до сих пор...

Очень скоро в Харькове у меня появились друзья. Первыми были Света Крылова и Виталий Пустовалов, с которыми я учился в одной группе и сидел рядом на одной парте во время лекций и занятий. А через них я познакомился с их компанией, в которой были Валерий Покровский, Вова Малеев, Феликс Улинич и в какой-то степени Рена Муха. Мы часто беседовали, встречались, бывали друг у друга, ходили на концерты. Немножко по поводу концертов. Они проходили в зале Харьковской государственной филармонии. Зал был не очень большой, я думаю, около 100 мест, и обычно он бывал почти полный, редко, когда переполненный, но билеты заранее можно было купить практически всегда. В Харьков приезжали выдающиеся советские исполнители. Здесь давали концерты Гилельс, Рихтер, Ойстрах, Коган, Шафран. Иногда заезжали зарубежные гастролеры. Я ходил в филармонию довольно часто. Воспоминания у меня об этих концертах остались самые хорошие, наверное, такие же, как и от концертов в Москве. Но особенно мне

запомнилось одно выступление Шафрана, во время которого он играл настолько хорошо, что в какой-то момент весь зал одновременно вскрикнул «ааа!». И такого в моей жизни не происходило никогда и ни с кем. Я, правда, помню, как Рихтер играл Листа, при этом у него рояль уезжал вперед, а он его все время нагонял. Тоже запомнилось, но то, что произошло с Шафраном, вещь неповторимая. Виталий Пустовалов имел склонность к литературному творчеству. Он регулярно занимался выпуском курсовых газет. Они часто имели юмористический характер и всем очень нравились. Один из экземпляров газеты я очень много лет хранил… Довольно часто у нас в компании разыгрывали друг друга. Я помню, как однажды мы собрались на дне рождения у Талы Березняк. Тала – уменьшительное от Натальи. На Украине, в Харькове Наталью уменьшают именно таким образом. Тале Березняк подарили коллективный подарок – статуэтку лошади, рядом с которой бежал всадник. У лошади можно было крутить хвост, я во время этого дня рождения пытался острить, дергая лошадь за хвост. Всячески этот подарок шутливо, конечно, обсмеивал. А на следующий день был мой день рождения, и все собрались у меня. И вот я смотрю, приносят что-то огромное. Развязали материю, в которую это что-то было завязано, и, о ужас, ставят на стол другую лошадь, которая в 5 или 6 раз больше вчерашней. Это была копия клодтовского коня каслинского литья. Замечательная. Она жила со мной в Харькове все время, а когда я кончил ХГУ и вернулся в Москву, то я привез ее домой, причем специально за ней ездил. В Москве она всегда у нас стояла на почетном месте, и только перед отъездом в Америку нам пришлось с ней расстаться и продать, потому что весила кг около 20…

В своем рассказе я совершенно не касался того, как в это время текла общественная жизнь… Приближался 1953 год, и чем дальше, тем положение евреев вызывало все большие опасения. На Украине эти вопросы лежали ближе к поверхности, чем в Москве. Здесь достаточно открыто эта тема будировалась, причем те, кто учились на специальности «ядерная физика», а она, как и в Москве, была полностью очищена от евреев, довольно громко дискутировали вопрос о том, что евреи предатели, и ни в коем случае нельзя им доверять, а напротив, надо подходить к ним с крайней осторожностью. Что касается всех других специальностей, то на них евреев было столько, что подобные вопросы не могли возникать. Были и там, конечно, антисемиты, но они воздерживались от резких высказываний. У нас дружили евреи с русскими, русские с евреями, и никаких острых моментов в этом плане не возникало. Тем не менее, общественные организации, партийные, комсомольские, держали руку на спусковом крючке, ожидая подходящих моментов. И вот такой момент наступил. В это время обсуждалась борьба за мир и, в частности, Стокгольмское воззвание. Как-то в хорошую теплую погоду во дворе Университета было созвано общее собрание, митинг, по поводу того, как мы должны поддержать Стокгольмское воззвание. Выступали ораторы, произносили громкие речи, ничего нового в этих речах не содержалось. Многие занимались в это время своими делами, достаточно негромко, чтобы не мешать ходу общего обсуждения. Мои друзья Валерий Покровский и Феликс Улинич в этот момент возле какой-то стеночки сели на корточки и стали разговаривать о том, что их больше волновало. В это время их кто-то нарочно сфотографировал. А дальше этой фотографии был дан большой ход. Она попала в партком, комитет комсомола, ее изучили и решили, что ее достаточно, чтобы указанных лиц, а также кое-кого, кто был с

ними, исключить из комсомола, а заодно из университета. Потому что тех, кого исключали из комсомола, из университета исключали довольно быстро. По этому поводу готовилось комсомольское собрание. Оно готовилось очень тщательно – в парткоме, в комитете комсомола. Были намечены ораторы, было обсуждено содержание их выступлений, были оставлены какие-то запасные ходы. Партийная организация университета имела опыт проведения подобных мероприятий. Но это собрание готовилось и с другой стороны, со стороны комсомольской организации курса, секретарем которой был один из наших друзей, один из членов нашей компании Вова Малеев. Это был, и есть, человек чрезвычайно высокой порядочности и острого ума. Он понимал, как будут разворачиваться события и решил подготовиться, насколько это было возможно. Он тоже договорился о том, кто и как может выступить на этом собрании. Кроме того, ему надо было опасаться второго фронта: в той же комсомольской организации находились студенты, обучавшиеся по специальности «ядерная физика», а их настроения никак не отличались от настроений партбюро и комитета комсомола. В назначенный срок собрание состоялось. Оно началось и сразу напомнило сражение. Партийная организация предполагала, что будут какие-то возражения, но никак не предвидела, что ответная подготовка будет проведена столь тщательно. И вот кто-то выступил первый, в ответ выступил кто-то из студентов, потом опять выступили от парткома, потом опять кто-то выступил с иной точкой зрения. После того, как члены парткома, которые присутствовали на собрании, увидели, что дело не идет по заранее подготовленному сценарию, они решили, что надо быстро это собрание свернуть, отложить и подготовить его еще более тщательно. Тут же Малеев провел голосование, в результате которого масса комсомольцев сказала, что она не считает возможным собрание отложить, что вопрос нужно решать сейчас и окончательно. В какой-то момент наши противники на какое-то время замолчали. Время текло очень быстро. Уже наступил поздний вечер. Отовсюду народ разошелся. Тогда был организован поход дежурных, которые сказали, что мы должны покинуть помещение. Собрание, нас было около 100 человек, отказалось это сделать, еще раз проголосовав, что собрание нельзя откладывать. И оно продолжалось. Было предложено ограничиться порицанием каким-то, вынесенным на вид, но никак не исключением из комсомола. Члены комсомольской организации, которые проводили собрание, понимали, что никак не реагировать невозможно, иначе дело будет задавлено сильнее. Вот с таким небольшим взысканием это собрание закончилось в 4 часа утра. Тут же был составлен протокол, подписан, чтобы ничего нельзя было подмахлевать и изменить. В результате это дело удалось несколько смягчить. Надо сказать, что те, кто организовывал его сверху, не забыли, как им дали отпор. Хотя когда мы кончали университет летом 1953 года, отца народов уже не было в живых, серьезных изменений в политике не произошло. И университетское начальство взяло реванш при распределении окончивших университет. Как говорится, всем сестрам было выдано по серьгам. Валерия Покровского и Малеева по результатам учебы вполне можно было оставить в аспирантуре. И даже такие рекомендации были даны со стороны научных кругов. Но Валерия послали в Новосибирск преподавателем техникума, несмотря на блестящее окончание. В.Малеева оставили без назначения. Надо сказать, правда взяла свое. Валерий уехал в Новосибирск, он к этому времени женился на Свете Крыловой. Вскоре у них родился сын Сережа. Валерий некоторое время

преподавал в техникуме, потом его представили Ю.Б.Румеру, который жил в Новосибирске. Валерий, конечно, ему очень понравился. Он сказал, что примет в его судьбе участие. Ю.Б.Румер добился, что через какое-то время Валерий из техникума ушел и стал работать в системе Академии Наук, где и проработал до 1965 г. В 1965 г. его пригласили в Черноголовку в Институт Теоретической Физики им. Ландау, где он работал плодотворно и достаточно успешно. К моменту переезда в Москву он был давно уже доктором наук. За последующее время его известность росла. В.Покровским были получены во многих направлениях очень ценные результаты. Сейчас он ученый с мировым именем, его знает весь мир физиков-теоретиков. Его пригласили работать в США, предложили постоянную должность профессора в Техасе, в Университете, расположенном в College Station, где он и работает в настоящее время. Конечно, он занимается не только преподавательской деятельностью, но и ведет напряженную научную работу, часто с известными во всем мире физиками. Недавно Валерий был награжден очень престижной премией Гумбольдта, которая дала возможность год прожить в Германии, занимаясь научной деятельностью. То, что он не стал академиком, связано не с его достижениями. В его характере нет той черты, которая заставляет заниматься необходимыми для этого интригами и другой подобной организаторской деятельностью. Среди тех, кого выбирали академиками и членкорами, очень много таких, в том числе и физиков-теоретиков, которые ни в коей мере не превосходят его ни по таланту, ни по результатам. Что касается В.Малеева, то ему удалось остаться в Харькове. Достигнутые успехи со временем тоже позволили ему занять высокое место в науке и стать известным в научном мире. И все это несмотря на то, что их научную жизнь твердо хотели разрушить еще в то время, когда они не кончили Университет.

Время шло. Наступил 1953 год. Начало года ознаменовалось делом врачей и разговорами о том, что евреев ждет весьма грустная судьба. Ходили слухи о том, что в Сибири и на Дальнем Востоке приготовлены концентрационные лагеря, куда нам всем предстоит уехать. Это приводило к тому, что все другие мысли постепенно уходили на задний план. Но наступил март 1953 года, вождь народов умер. Его смерть у нас в Харькове была воспринята со смешанным ощущением. С одной стороны, это была радость по поводу того, что немедленная ссылка и гибель евреям не угрожает. С другой стороны, был страх, потому что не знали, кто будет вместо него, и не будет ли хуже. Постепенно страсти улеглись, и мы смогли переключиться на то, что было связано с приближающимся окончанием университета – госэкзаменами по общественным наукам и по физике. Госэкзамен по общественным наукам я не помню, так как он не вызвал особых затруднений. Госэкзамен по физике был достаточно серьезным. Он не уступал экзамену в МГУ ни в каких отношениях. Экзамен принимала представительная комиссия, во главе нее был украинский академик Синельников, очень известная в ядерной физике величина. Кстати, он был женат на родной сестре жены Курчатова. Такой седовласый мужчина высокого роста с тонкими чертами лица, похожий на дворянина начала XX века. С манерами достаточно утонченными и изысканными. В состав комиссии входил ряд физиков, профессоров и кандидатов наук, работавших в Университете, УФТИ или других местах. Во время этого экзамена решались проблемы не только, и не столько, оценки студента, но и проблемы взаимоотношений между членами комиссии. Одним

из членов комиссии был сотрудник УФТИ физик Б.И.Веркин, у которого были негладкие отношения с моим руководителем, заведующим кафедрой Б.Я.Пинесом. И он попытался выяснить отношения с моей помощью. Я начал отвечать, он стал задавать мне вопросы. Потом он высказался по поводу диплома, что это не столько физическая, сколько техническая задача, и что больше тройки нечего мне ставить. Чередуя вопросы с подобными высказываниями, Веркин продолжал меня укалывать и кусать. Я все-таки боролся, старался как-то отвечать. Прошло 40 минут. Временами Борис Яковлевич вмешивался в это сражение, хотя этого не полагалось делать. Кончилось тем, что Кирилл Дмитриевич Синельников через 40 минут спросил: «Скажите, Борис Иеремиевич, на этот раз Вы удовлетворены?» Борису Иеремиевичу пришлось сдать позицию. Экзамен для меня закончился, я получил за него пятерку. В результате у меня оказались в дипломе все пятерки, т. е. я получил красный диплом, и мне нужно было дать более или менее приличное назначение. Поэтому в школу в украинском селе меня не направили, а вместо этого предложили два места. Одно – Брянский машиностроительный институт, другое – Архангельский судостроительный техникум. В конце концов, мне дали место в судостроительный техникум. Выдали диплом, и я простился с Харьковом…

А сейчас я хочу закончить свои воспоминания, связанные с харьковским периодом жизни и с Харьковским университетом тем, что дружба, там возникшая, была достаточно крепкая и тесная. Дружба с нашей компанией и в общем хорошая дружба со всеми ребятами на курсе. Можно сказать, что ядро курса было здоровое и крепкое, и после того, как мы его кончили, организаторы, члены этого ядра, собирали окончивших вместе в Харькове на пару дней. Очень многие, и я в том числе, приезжали специально в Харьков, чтобы отметить приятное событие – юбилейную годовщину окончания Харьковского университета. Я был и на 5-, на 10-, на 15-, на 20- и, кажется, на 25-летии. Потом возраст и всякие трудности не очень позволяли мне это сделать, но всякий раз мне присылалось все, что в связи с этим выпускалось. Присылалась анкета с вопросами, как сложилась судьба, и информация, кого с нами уже нет. И я время учебы в Харькове переживал как бы заново.

Мне хотелось бы сказать, что Харьковский университет дал мне очень много. Прежде всего, он дал мне специальность, которая впоследствии мне, безусловно, пригодилась. В начальный этап моей работы и в какой-то степени в последующем. Кроме того, он позволил мне понять, что физтех МГУ, на котором я учился четыре года до этого, вовсе не такое уникальное место. Нам внушали, что мы есть некие избранные люди, некая научная элита, если не сейчас, то в будущем. Я увидел, что в Харькове и преподавание ведется на уровне, столь же высоком, как и на физтехе, и студенты не менее способные, и, как показало будущее, ученые из них вышли, пожалуй, не менее известные, чем те, кто вышел из физико-технического факультета и института, хотя средства, вкладывавшиеся в физтех и его студентов, были во много раз больше тех средств, которыми располагал, в общем, провинциальный и небогатый Харьковский университет.

В.К. Тартаковский

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ РЯЗАНОВЕ (1931–2001)

Уже пять лет, как нет Александра Николаевича Рязанова. Время так «летит», что кажется, все было совсем недавно, хотя прошла целая жизнь. Однако память хранит многое, порой даже незначительные подробности полувековой давности.

Шура Рязанов еще в раннем детстве лишился матери, и его в основном выращивали и воспитывали две его тети, славные женщины, медицинские работники. С Шурой я познакомился в 1947 году в 8-м классе Харьковской 95-й средней школы, куда меня перевели из семилетней школы. Шура был прилежным дисциплинированным учеником, старательно выполнявшим все домашние задания, и в результате он окончил школу с золотой медалью, после чего, не задумываясь, поступил сразу (в 1950 г.) на физмат ХГУ.

То, что Шура Рязанов поступит на физмат и станет физиком-экспериментатором, знали многие учителя и ученики школы, в частности, и я, часто бывавший в его доме и знавший, чем занимается и чем «живет» Шура. Может быть, благодаря и его влиянию я также поступил на физмат и стал физиком, хотя школьная преподавательница математики Ольга Ивановна рекомендовала мне идти только на математическое отделение. Определенное влияние в этом смысле оказал на меня и Борис Викторович Кондратьев, и мы трое, учившиеся сначала в одной школе, а потом на одном курсе физмата, сохранили дружбу на всю жизнь, несмотря на большие различия между нами, хотя, конечно, имели и много общего. Все трое стали затем преподавателями на физмате ХГУ.

Неудивительно, что А.Н. Рязанов стал по специальности оптиком-экспериментатором, хотя и теоретические расчеты были ему не чужды. В его руках всякое металлическое старье, стекла, зеркала, провода превращались в нужные приспособления, приборчики, которые он эффективно использовал. Помню, как, будучи еще учениками 10-го класса, а затем студентами младших курсов, мы неоднократно у него во дворе смотрели через сконструированную Шурой Рязановым трубу-телескоп на небо. Я впервые увидел Венеру в виде серпа, рассматривал Юпитер с его известным большим пятном и четыре крупнейших юпитерских спутника (их видел еще Галилей!), которые со временем меняли свое положение (т. е.

было заметно их движение!). Еще больше меня очаровал Сатурн с его кольцами (кто-то назвал его украшением Солнечной системы). Я был поражен увиденным своими глазами, так как ранее все это рассматривал только на фотографиях в популярных брошюрах и книжках по астрономии, и был благодарен Шуре за такое зрелище. В другой раз Шура направлял свой телескоп на Луну, и мы также долго рассматривали ее детали; было интересно, что край Луны казался почти плоским. Ходили мы еще с Шурой пополнять свои астрономические знания и в Харьковский планетарий.

Но иногда мы и дурачились с телескопом. Однажды Шура позвал меня смотреть небо, но я пришел рано, еще светило Солнце. Шура наводил телескоп на людей, которые ходили по его двору, и, конечно, на девушек, но в телескопе все так быстро двигалось, что почти ничего нельзя было разобрать. Тогда Шура что-то сделал с телескопом и навел его на освещенную кирпичную стену одного дома, находившегося от нас на почтительном расстоянии, и сказал: «Смотри». Было видно, как по удаленной стене дома ползают мухи.

Еще Шура Рязанов много фотографировал. У него часто получались весьма удачные снимки разных людей и ландшафтов. Но и здесь не обходилось без дурачеств. Он меня и других иногда фотографировал необычным образом. Однажды сфотографировал меня, едущим на велосипеде по крыше его дома. Имеется фото, где я высоко держу на одной руке мальчика, есть снимки с нетрадиционным освещением. Но наиболее удачным снимком такого рода считаю фото, где изображен наш однокурсник Саша Ландау, стоящий в плаще на незанятом скульптурой пьедестале (в парке им. Горького) с вытянутой вперед рукой, как у вождя.

Иногда мы с Шурой путешествовали с его фотоаппаратом. Наиболее запомнившееся было путешествие в 1960 г. втроем с его другом Н.Я. Лозиным по Южному берегу Крыма. Мы много раз фотографировались по пути. Однажды, пробираясь через кусты, мы вышли на одно место и были удивлены увиденным: это был женский пляж на берегу моря; мы быстро убрались, чтобы не было неприятностей; здесь мы ничего не фотографировали.

Помню, как рано утром летом в 1962 г. Шура приехал с рюкзаком ко мне в дом отдыха в Высокий поселок, и мы

совершили пешком вдвоем длительную прогулку по окрестным селам; вернулись загорелые, уморенные, но довольные только к вечеру (я пожертвовал своим обедом).

Приезжал он ко мне еще раньше (в 1958 г.) и в спортлагерь под Чугуевом, где тогда были чистыми и лес, и поле, и Северский Донец. В аспирантские годы мы неоднократно ездили купаться на Северский Донец. Однажды, только вошли в воду, пошел сильный дождь. Спрятать удалось только одежду, а сами решили плавать под дождем. В воде, казалось, было теплее. Зрелище было неописуемое: вода вокруг наших торчащих из воды голов как будто кипела от крупных капель дождя, а вверху в темном небе сверкали молнии и грохотал гром. Но скоро дождь прекратился и вышло солнце.

Путешествовал Шура в окрестностях Харькова и один. Он мне однажды показал дома сфотографированного им в одном селе красивого старика, которому было лет 80. Он сильно увеличил фотографию – примерно сантиметров до 30 по диагонали, сделав ее портретом, и собирался пойти опять в то село, чтобы подарить фото этому старику.

Зимой мы иногда катались на коньках. Один раз выбрались кататься по замерзшим харьковским рекам, когда лед был чистым, почти прозрачным и гладким. Подъезжая к тепловой станции, мы вдруг услышали сильный треск льда, так что с перепугу интуитивно быстро разъехались в разные стороны, и все обошлось. А один наш одноклассник по школе по прозвищу Малюта однажды в начале весны провалился на наших глазах по пояс около берега, где лед был тонкий, но, к счастью, быстро выбрался.

Учился Шура на физмате ровно, как и в школе, и получал пятерки. По некоторым предметам он вообще выделялся. Помню, когда мы с ним в паре выполняли лабораторные работы по физике, он делал их так быстро, как орехи щелкал, что я не успевал в работах глубоко разобраться и поэтому выразил недовольство. Я сказал Шуре, что буду делать эти работы с кем-нибудь другим или сам, чтобы, не спеша, их лучше изучить, ведь их в конце семестра нужно будет еще сдавать преподавателю, да и вообще, чтобы больше пользы было. Студенты группы, наблюдая, как ссорятся два друга, посмеивались, но в основном поддерживали меня. Шура со мной согласился и не обиделся.

Наша преподавательница немецкого языка Мария Гавриловна часто хвалила Рязанова. В то время иностранные языки изучали

далеко не эффективно, но Шура дополнительно слушал еще немецкую речь по приемнику – я однажды застал его дома за этим занятием. Он посоветовал присоединиться к нему и послушать приемник, но я улавливал только отдельные слова, а общий смысл услышанного представлялся мне очень смутно, в то время как Шура пересказывал услышанное довольно подробно.

Мы любили Марию Гавриловну. Однажды (в начале 1950-х годов) мы с Шурой решили от имени группы послать ей поздравительную открытку по случаю праздника 8 Марта, но хотели, чтобы открытка попала адресату именно в день праздника. Мы узнали в деканате адрес, но долго тянули со временем, пока не поняли, что по почте открытка может не успеть вовремя дойти. Тогда мы вечером 7-го числа пошли на Главпочтамт, уговорили одну из его работниц (предварительно поздравив ее с наступающим праздником) поставить на открытке почтовый штамп и затем по известному адресу пошли домой к Марии Гавриловне, не заходя к ней, и бросили открытку в соответствующий почтовый ящик. Через несколько дней в начале очередных занятий по немецкому языку мы с Шурой переглянулись и заулыбались, когда Мария Гавриловна стала благодарить нашу группу за поздравления.

Научной работой Шура начал заниматься фактически еще в конце 1-го курса, когда молодой руководитель одной из новых лабораторий В.Н. Костин (рано ушедший из жизни) пригласил Шуру и меня помочь ему летом в создании оборудования для студенческих лабораторных работ по молекулярной физике и оптике и дал для ознакомления соответствующую литературу. Ее Шура не очень усердно изучил, в отличие от меня, а быстро начал самостоятельно что-то мастерить, и дело в основном обошлось бы и без меня. Но все же одно мое предложение, понравившееся и Рязанову, и Костину, было внедрено в один прибор, и было приятно видеть уже осенью, как он действует. Нам помогали стеклодувы (или мы им). Заглядывал к нам в комнату и К.Д. Синельников (тогда я еще толком не знал, с кем имею дело) и давал советы Костину и нам. Я скоро понял, что экспериментатор из меня не получится, но для Шуры знакомство с Кириллом Дмитриевичем оказалось, наверно, определяющим для его будущей научной работы.

А.Н. Рязанов довольно быстро после окончания вуза защитил кандидатскую диссертацию и выполнил после этого ряд

значительных по научному уровню работ по оптике. У меня хранится оттиск одной из его работ того времени – она опубликована в «Журнале Оптика и спектроскопия»: 1962. Т. XIII, вып. 1. С. 129 (с дарственной надписью: «Моему другу Вите Т. 19.8.62 г. А. Рязанов»).

Александр Николаевич успешно занимался вопросами повышения разрешающей способности телескопических и других оптических систем, прослеживал дифракционные явления при наличии нескольких источников света различной интенсивности. Мне также пришлось заниматься, но теоретически, дифракционными явлениями, однако в процессах взаимодействия адронов с ядрами, и у нас с Александром Николаевичем поэтому находились общие научные темы, которые мы иногда обсуждали. Во время этой ранней деятельности А.Н. Рязанова его поддерживали К.Д. Синельников и И.Н. Шкляревский, и можно было ожидать в дальнейшем новых свершений в оптической науке. А потенциальные возможности Александра Николаевича в науке были, безусловно, весьма значительны. А главное – был большой интерес к физико-математическим наукам.

Но по истечении нескольких лет научная активность стала спадать. И я позволю себе предположить, с чем это могло быть связано. Во-первых, преподаватели наших вузов сильно замордованы огромной преподавательской нагрузкой. Однажды на одном авторитетном собрании я услышал, что она раза в три превосходит нагрузку преподавателей в вузах Запада. У наших преподавателей остается слишком мало времени для серьезной научной работы. Положение усугубляется, если нет соответствующих поддержки и условий. Это является типичным для большинства преподавателей. Во-вторых, у Александра Николаевича была малая коммуникабельность, он вообще трудно сближался с людьми. Не было уже и К.Д. Синельникова, его поддержки, но его фотография постоянно висела над рабочим столом А.Н. Рязанова в лаборатории, куда я заходил после каждого приезда из Киева, где живу с 1966 года.

Александр Николаевич хорошо понимал свое положение, однако ничего не мог изменить, нередко сильно нервничал, так как не мог осуществить многие свои планы. При этом, как отмечала его жена Виктория Ивановна Кривошеева (окончила химфак ХГУ), не хотел следить за своим уже далеко некрепким

здоровьем, и сердце достаточно потрепанного организма не выдержало.

Мне не хочется на печальной и трагической ноте заканчивать воспоминания об А.Н. Рязанове, а хочется опять вернуться в счастливое, хотя и непростое для нас, время молодости. В студенческие годы не было заметно, чтобы Шура общался с девочками. В аспирантские годы это случалось, но в компании со мной или с кем-нибудь из его немногочисленных друзей. Расскажу о нашем одном недолговременном, но запомнившемся в деталях, знакомстве с одной очень красивой девушкой, которую обозначим большой буквой икс, а именно, Х. Она нравилась нам обоим, мы несколько раз гуляли с ней по Харькову, ходили в кино, фотографировались и рассказывали ей разные смешные истории, свидетелями которых мы были. Это был редкий случай, когда Шура сильно оживлялся, и говорил, в основном, он. При этом Х молчала. Мы вспоминали, как школьный учитель физики, объясняя поверхностное натяжение жидкости, сказал, что ведро воды, удаленное от Земли, превратится в форму шара, после чего Шура спросил его: «Что? Вместе с ведром?» Вспоминали еще, как военрук школы повел на площадку около речки наш класс учить бросать гранаты, как один из одноклассников, который почему-то бросал не прямо, забросил их в речку. После этого военрук, построив класс, скомандовал: «Шагом марш в школу!», а затем – «Запевай!», после чего один из нас затянул известную в то время песню, где есть слова «Маруся нравится ему…». Военрук сразу опять скомандовал: «Отставить!»; шедшие по улице люди оглядывались. Вспоминали еще много смешного, а Х лишь изредка вставляла отдельные слова. Так мы образовали своеобразный треугольник. Но однажды я случайно встретил Х в библиотеке и пригласил (уже один!) ее в кино. И тут вдруг Х разговорилась: я должен готовиться к аспирантскому экзамену, – сказала она, – а не ходить по кино, мальчишка этакий (у меня действительно через день был экзамен), и затем повернулась и ушла. Некоторое время спустя я узнал, что в тот же день, но позже, Х пошла в кино с Шурой! Теперь я уже не мог приглашать Х куда-либо, так как по моим тогдашним представлениям я бы отбивал Х от Шуры, что вообще не было в моих правилах. Но и у Шуры ничего не получилось с Х. Так распался наш треугольник, и у нас остались лишь одни светлые и одновременно грустные воспоминания…

Нас с Рязановым сильно сближало с самого начала знакомства еще одно. Это была музыка. Мы нередко ходили в филармонию, а летом иногда слушали классическую музыку на эстраде в парке им. Шевченко. Но чаще слушать музыку я ходил к Шуре домой. У него было довольно много хороших пластинок, и не только с сочинениями известных великих композиторов, но и пластинок с джазовой и легкой музыкой. После прослушивания некоторых из них Шура спрашивал меня: «Ну, как, Витя, нравится тебе эта вещь?» У Шуры по тем временам (1940-е и 1950-е годы) была и хорошая библиотека литературы по физике и математике, и часто я, слушая у него музыку, просматривал новые для себя книги. Помню, как сидя у него и слушая пластинки, я читал материал по теории чисел в одном из томов Фихтенгольца, чего не было в других курсах по математике, и мы вспомнили, как учениками 10-го класса ходили слушать на эту тему лекцию профессора А.К. Сушкевича в Дом пионеров, где Шура занимался в одном из кружков, кажется, по физике.

Шура любил мощную музыку, в частности, Вагнера. Недавно я купил несколько кассет и дисков с записанными песнями и ариями Николая Баскова и, слушая «Призрак в опере» Вебера в исполнении Н. Баскова и Л. Рудаковой, вспомнил, что это впервые почти полвека назад я слушал (не запомнил, в исполнении кого) у Шуры дома и помню, как, снимая уже пластинку, он спросил: «Ну, как тебе эта вещь?» Мы слушали «Призрак …» несколько раз. Слушали еще Баха, Гершвина и многих других композиторов. Совсем недавно я приобрел диск с песнями Меркьюри в сопровождении мощного оркестра, записал на видеокассету игру на саксофоне и пение Александра Серова и подумал, что Шуре все это могло бы понравиться.

Когда ушли из жизни мои родные и мой младший брат Анатолий, которых хорошо знал Шура (он и у меня часто бывал дома), я стал думать о них значительно чаще, чем при их жизни. То же самое стало происходить, когда не стало моего друга Александра Николаевича Рязанова, и это уже будет до конца дней моих.

Благодарю Бориса Викторовича Кондратьева за некоторые уточнения в тексте и организацию напечатания этих воспоминаний.

В.К. Тартаковский

АКАДЕМИК НАН УКРАИНЫ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СИТЕНКО (1927–2002). ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ХАРЬКОВСКОМ ПЕРИОДЕ РАБОТЫ

С Алексеем Григорьевичем Ситенко я познакомился приблизительно полвека тому назад, в начале 1952 года, когда Алексей Григорьевич, будучи еще ассистентом, пришел в нашу группу студентов 2-го курса физ.-мат. факультета Харьковского университета проводить политчасы. В этом же году

А.Г. Ситенко, может быть, самый молодой преподаватель на физмате ХГУ, прочитал нам, студентам спецгрупп общий курс атомной физики. Где-то в середине следующего учебного года Алексей Григорьевич защитил кандидатскую диссертацию по физике плазмы, и студенты наших групп 3-го курса преподнесли ему после успешной защиты роскошный букет белых цветов. Помню, что на защите Алексеем Григорьевичем докторской диссертации по теории ядра в 1959 году присутствовали многие бывшие его студенты. В это время А.Г. Ситенко работал уже в УФТИ, но продолжал читать лекции в ХГУ.

Под руководством Алексея Григорьевича в 1957–1961 гг. я выполнял свою кандидатскую диссертацию по дифракционному взаимодействию дейтронов с ядрами. Тема диссертации была сформулирована совместно с заведующим кафедрой теоретической ядерной физики ХГУ Александром Ильичем Ахиезером. Расскажу коротко об Алексее Григорьевиче, как о научном руководителе. Одной из характерных особенностей сотрудничества с Алексеем Григорьевичем было его уважительное отношение к подчиненному и вместе с тем, я бы сказал, у него была мягкая требовательность творчески относиться к выполняемой работе. Как и его учитель А.И. Ахиезер, он чаще всего лишь подсказывал и формулировал своим ученикам основное направление в научной и педагогической деятельности, консультируя затем сам процесс, но оставлял при этом возможность проявлять ученикам свою инициативу.

Запомнились сказанные Алексеем Григорьевичем его слова о том, чтобы я не терял времени и много предварительно не

зачитывался литературой при решении определенной задачи, а делал это одновременно с собственными исследованиями, и тогда вероятнее всего может появиться наиболее оригинальное решение. Иногда, говорил он, такое решение проблемы может возникнуть даже с первого захода. К научному вопросу можно подходить с разных сторон, и те, кто освоил ряд определенных методов, пытаются, как правило, использовать именно их, забывая, что при этом возможны и другие эффективные подходы. Поэтому иногда новичок может скорее найти наиболее правильное решение, хотя его необходимо будет еще «шлифовать».

Хорошо помню, как Алексей Григорьевич, а потом и Александр Ильич одобрительно отозвались о полученных мною первых результатах по дифракционному расщеплению дейтронов ядрами в самом конце 50-х годов прошлого века и сформулировали мне затем последнюю и, кажется, наиболее сложную задачу по моей диссертации об учете диффузности края ядра-мишени в дифракционных процессах с участием падающих дейтронов. Большинства работ по этому вопросу я тогда не знал, да и не мог читать и изучать многие из них ввиду большой ассистентской педагогической нагрузки на физмате ХГУ. Но задание меньше, чем за год, было выполнено, и мы с Алексеем Григорьевичем опубликовали соответствующую статью в Украинском физическом журнале в 1961 году. Некоторые выводы статьи были затем подтверждены экспериментально в отделе Олега Федоровича Немца в Киеве.

Годом позже работавший тогда в МГУ Александр Сергеевич Давыдов, будучи моим оппонентом, отметил, что в кандидатской диссертации сравнительно простым и наглядным способом, быстро приводящим к конкретному результату, учтена диффузность края ядер при взаимодействии с ними быстрых дейтронов, в то время как в ряде работ других авторов это делалось сложным образом. Так эффективное руководство научного руководителя вместе с усердной работой его ученика могли приводить к заметным научным результатам.

В 1961 году Алексей Григорьевич переезжает жить и работать в Киев.

В.К. Тартаковский

ВРЕМЕННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ФИЗИКА В ФИЛОЛОГА

Когда я стал встречаться с Гелей Шевченко, ставшей впоследствии моей женой, то сразу обратил внимание на характерную печаль в ее глазах, которая полностью не исчезала даже тогда, когда она улыбалась. Уже потом я связывал это с непростой ее прежней жизнью, о чем она мне сама рассказывала. Эта особенность ее глаз часто действовала магически, и трудно было ей в чем-то отказать, а в некоторых случаях заставляла находить, казалось бы, невероятные решения, чтобы выйти из создавшихся порой тяжелых ситуаций. Вот об одном таком случае, который имел место в годы нашей тревожной молодости, я и хочу поведать.

События развернулись где-то в конце июня – начале июля 1961 года. Мы с Гелей, тогда еще молодожены, жили на окраине Харькова. К этому времени я, будучи ассистентом кафедры теоретической ядерной физики (заведующий – Александр Ильич Ахиезер), уже полностью выполнил свою 800-часовую педагогическую нагрузку, а у Гели, преподавателя филологического факультета ХГУ (отделение русского языка и литературы), еще до отпуска оставалась одна обособленная во времени консультация для поступающих на вечернее или заочное отделение, где один из экзаменов сводился к русскому диктанту. Несмотря на последнее обстоятельство, мы с Гелей договорились поехать отдыхать в Крым, в Мисхор, который облюбовали еще годом раньше, и я предварительно купил билеты на поезд Харьков–Севастополь, который должен отправляться поздно вечером как раз в тот день, когда и запланирована была консультация где-то после обеда.

И тут случилось непредвиденное: перед тем, как ехать в университет на консультацию, Геле стало нехорошо (она была на пятом месяце беременности). Возникла угроза срыва и консультации, и поездки в Крым. И неизвестно еще, что будет с Гелей. Кого-то из филологов просить ее заменить для проведения консультации уже не было времени (у нас не было телефона). Геля легла и приблизительно через полчаса говорит: «Ты знаешь, Витя, мне уже лучше, но мы в Крым, наверно, не поедем, т.к. на консультацию я пойти не смогу, поэтому ты езжай на филфак и все расскажи». Потом добавила: «А мне так хотелось еще раз побывать в Крыму, потому что в дальнейшем

уже не будет такой возможности», – и посмотрела на меня таким печальным взглядом, как будто говорила – ну придумай что-нибудь. И тут меня осенило. «Я зову к тебе близких соседей, – говорю Геле, – а сам еду проводить за тебя консультацию». Геля хотела было возразить, что это невозможно, что я – физик, мужчина, но я быстро привел свои доказательные аргументы: поступающие вообще тебя еще не видели и не знают, что ты Гелия Григорьевна, в расписании же указана только твоя фамилия с инициалами – Шевченко Г.Г., а Шевченко может быть и мужчина (хоть такая польза будет от того, что ты не сменила свою фамилию); кроме того, в старших классах школы я писал диктанты и сочинения в основном на пятерки и четверки, так что как-нибудь выкручусь. И Геля сдалась и согласилась.

Когда я зашел в соответствующую расписанию консультаций аудиторию, то увидел, что многие абитуриенты заметно старше меня, и подумал, что они, наверно, могли многое забыть из школьной грамматики, и на меня это даже подействовало несколько успокаивающе, т.к. я школьный материал в основном еще помнил. Я, естественно, не представлялся, только поздоровался и с ходу спросил, какие будут вопросы, и испугался такому началу, т.к. это могло стать экзаменом уже для меня. Сначала была тишина, потом кто-то из мужчин спросил, какую букву надо писать в фамилии Хрущева после буквы «щ». Мы выписывали газету «Известия», которая, как и другие газеты, пестрила в то время этой фамилией, и я сразу ответил на этот вопрос. Потом последовало еще два-три легких для меня вопроса, и опять наступила продолжительная тишина. Я понял, что надо брать инициативу в свои руки и стал рассказывать элементарные правила правописания, в частности, какие гласные необходимо писать после шипящих. Кто-то с места выкрикнул: а слово «парашют»? Я написал его мелом на доске и от себя добавил еще одно исключение – «брошюра». Примерно с этого момента я почувствовал себя более уверенным и остановился еще на правилах расстановки знаков препинания. Приводил много примеров. Про себя отметил, что меня слушают серьезно и внимательно. Затем последовали вопросы в другой плоскости, а именно, как будет проходить экзамен, и буду ли я на нем. (Это уже напомнило мне вопросы молодых абитуриентов на физическом факультете.) На последний вопрос я с определенностью ответил, что меня не будет (ведь Геля и не

должна быть на экзамене). Посмотрев на часы, увидел, что консультация длится уже больше часа, и после возникшего очередного молчания с обеих сторон предложил заканчивать наше заседание. Меня неожиданно даже стали благодарить, и я тоже поблагодарил всех за внимание, пожелал успехов, и с чистой совестью покинул старый корпус биофака на ул. Тринклера, где и проходила консультация.

Теперь я, как говорится, пулей мчался домой, думая, что же могло произойти за время моего отсутствия; и все же не хотел терять надежду на поездку в Крым (было еще достаточно времени до отхода поезда). С крыльца увидел Гелю, которая ходила по комнате и собирала чемодан. – Это я на всякий случай, – сказала она и вопросительно посмотрела на меня. Далее произошел приблизительно такой разговор. «Все в порядке, консультация прошла нормально, – отрапортовал я, – а как ты себя чувствуешь? Мы сможем поехать?» – «Да, сможем, но меня беспокоит, что скажут на филфаке, когда узнают, что на консультацию я не пошла, а поехала в Крым. И тебе может не поздоровится, если дело дойдет до университетского начальства». Мы понимали, что нам могут вынести выговоры, но опасались самого худшего: кто-нибудь из ретивых на факультете может вообще поставить вопрос об увольнении с работы, тем более, что мы никого не предупредили о случившемся. Я старался скорее для успокоения, убедить Гелю, что в создавшейся обстановке мы вряд ли нашли бы лучший выход, и было бы уже нерационально из-за этого отказываться от поездки в Крым. Я «поймал» такси, и мы с Гелей, наконец, поехали на вокзал. В Севастополе, где до этого еще не были, мы провели всего день–полтора, посмотрели достопримечательности города-героя, а потом автобусом поехали к Байдарским воротам и затем – в Кореиз, откуда уже пешком спустились в Мисхор. Жизнь далее сложилась так, что Геля побывала в Крыму, действительно, в последний раз. По дороге из Крыма домой мы договорились, что пока не будем рассказывать в Харькове, что мы сотворили. Но на филфаке об этом и не узнали, и ничего не подозревали. И все обошлось. Вскоре Геля пошла в декретный отпуск. А в ноябре у нас родилась дочь Лена.

Мы часто потом вспоминали с Гелей, как мы собирались в Крым летом 1961 года, рассказывали это знакомым, и нас никто не осуждал за наш почти криминальный поступок. А как Вы, уважаемый читатель, относитесь к такому поступку?

В.В.Ульянов

ФРИШ И ТИМОРЕВА

Для нашего поколения физиков эти две фамилии всегда были неразрывно связаны с учебником физики. То был знаменитый трехтомник: С.Э.Фриш и А.В.Тиморева. Курс общей физики.

Раньше я никогда не задумывался над тем, кто эти люди, как они связаны между собой, каковы их полные имена и отчества, почему именно они стали авторами главного учебника по физике в нашей стране. И только недавно, занимаясь своими мемуарами, я смог получить ответы на эти вопросы.

Мне подарили замечательную книгу воспоминаний: С.Э.Фриш. Сквозь призму времени. – М.: Политиздат, 1992. – 430 с. Уже до прочтения ее меня заинтересовало – тот ли это Фриш, что написал учебник. Оказалось, что это именно он – Сергей Эдуардович. Захотелось узнать, кем же была Тиморева. И тут предварительный ответ был получен еще до чтения: на одной из прилагаемых к книге фотографий Сергей Эдуардович снят с женой и маленькой дочерью. Сразу же готова догадка – Тиморева была просто женой Фриша.

Чтение прекрасной книги воспоминаний Сергея Эдуардовича все подробно разъясняет. Правда, о создании супругами знаменитого трехтомника говорится очень скупо. Александра Васильевна Тиморева была верной помощницей Сергея Эдуардовича. В чем именно заключалась ее роль в создании учебника, так и остается тайной, но во всех случаях Сергей Эдуардович не случайно поставил рядом со своей фамилией фамилию своей супруги.

В наше время как-то не принято было интересоваться «личной жизнью» авторов учебников и монографий, не говоря уже о каких-либо интимных подробностях. Только сейчас появились мемуары знаменитых ученых и воспоминания близких с рассказами о них.

Итак, в тяжелые послевоенные годы в Ленинграде в семье физика Фриша рождалось уникальное творение, ставшее на полтора десятилетия главным учебником физики в СССР.

Прочитав воспоминания Фриша, я отправился в нашу библиотеку, чтобы порыться в каталоге. У Сергея Эдуардовича были опубликованы до 10 разных монографий по физике,

особенно по вопросам спектроскопии, помимо знаменитого курса. В 1949 году книга называлась «Курс физики», но затем стала ежегодно переиздаваться как «Курс общей физики». Частота переизданий разных томов оказалась различной, но в среднем это происходило 10 раз. Мы учились «по Фришу» в период нарастающей популярности этой книги. Что же произошло потом? Автора не стало? Нет, Сергей Эдуардович умер в 1977 году. Новые поколения физиков помнят, что на рубеже 60-х годов появилось новое веяние в преподавании физики, очередной перекос. Возрос интерес к иноземным курсам физики. Их стали интенсивно переиздавать и внедрять вместо якобы устаревшего курса Фриша. Даже перестали вообще рекомендовать студентам эту книгу.

Итак, в каталоге старые карточки говорят, что последнее издание вышло в 1962 году. Но вот находка: есть совершенно новые карточки с датой 2006 года!! Неужели через 44 года вспомнили-таки о замечательной книге? В нашей библиотеке она в единственном экземпляре. Спешу в читальный зал – и вот у меня в руках три новенькие, хорошо изданные книжки. С портретами авторов на последней странице обложки.

Сергей Эдуардович Фриш (1899-1977) – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Многие годы преподавал общую физику и был деканом физического факультета Ленинградского государственного университета. Научные интересы его лежали в области спектроскопии. Он заведовал кафедрой оптики в ЛГУ, был директором Научно-исследовательского физического института.

А чем же занималась Александра Васильевна Тиморева (1902-1995)? Была только домашней хозяйкой? Нет. Она работала в Главной палате мер и весов (НИИ метрологии им. Д.И.Менделеева) и преподавала на физическом факультете ЛГУ.

Вот такая замечательная супружеская пара создала то, что теперь отнесено к «Лучшим классическим учебникам». Как отмечено во вступительном обращении к читателям нового издания трехтомника, «Эту литературу просто интересно читать, чувствуя, как опытный педагог мастерски раскрывает перед читателем красоту мира физики».

В.В.Ульянов

НАС БЫЛО 245 (отрывки из книжки «Как мы праздновали 50-летие окончания Университета»)

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш.

А.С.Пушкин

20 мая 2007 года (воскресенье). Утром просыпаюсь в спокойной обстановке. Главная подготовка к нашему празднику завершена. Мы вышли на финишную неделю. Голова очистилась от забот. В таких условиях иногда приходят стихотворения. Вот и на этот раз осенило: я намерен сочинить приветственный стишок. Даже ясно вижу его название «245» (столько студентов окончили вместе со мной наш физмат совместно с радиофаком), и звучат в голове две первые строчки: «Нас было 245 – Питомцев славного Физмата». Тут же рождается самая последняя повторная строчка «Нас было 245!!». Быстро вскакиваю и записываю эту неожиданную затравку. Теперь я уверен – стих пойдет. Все утро по ходу домашних дел набрасываю фрагменты – обрывки фраз. Днем пошли окончания строк, т. е. рифмы. К вечеру осталось скомпоновать строчки. Вначале думал сделать так, как у Пушкина в «Евгении Онегине»: 14 строк со смешанной чередой рифм. Однако число строк уже превысило 20. Вначале разбил их по четверостишиям с перекрестной рифмовкой (1-3 и 2-4), но затем решил усложнить построение, т. е. 1-4 и 2-3. К ночи я принял готовый стих «за основу». Могу спать спокойно.

На следующий день утром набираю текст на компьютере и проверяю его «во втором чтении». Заменяю пару эпитетов. Готово. Печатаю крупным шрифтом, подсознательно предчувствуя, что придется читать без очков. Дата – 20 мая 2007 года. Еще и еще раз читаю сотворенное. Написано, кажется, по делу. Без литературного «выпендрыша» и поэтических выкрутасов. Вот этот стих:

245

Нас было 245 –
Питомцев славного Физмата,
Пред нами памятная Дата:
Средь Юбилея мы опять!
На сей раз это – Полстолетья.
Войны Отечественной Дети –
Всегда мы помним годы эти,
Как пережили Лихолетья.

С улыбкой думаем сейчас
О славной юности беспечной,
О жизни нашей быстротечной...
Как много было среди нас
Прелестных радиодевчат,
Математичек симпатичных
И ядерных спецов отличных,
И чистых физиков-ребят.
Поклонимся ж Великим Людям,
Что нас к Науке приобщали
И знанья нам передавали, –
Их никогда мы не забудем.
Погружены в воспоминанья
Чудесного Физмата Дети.
В родимом Университете
Сидим мы снова в том же зданье.
Пусть время не воротишь вспять, –
Не говори: «Какая жалость,
Что мало нас теперь осталось», –
Нас было 245!!

23 мая докладываю Тамаре Смирновой, что я уже знаю, о чем буду говорить перед нашей аудиторией. Показываю ей стишок. Она внимательно читает и тут же звонит Наташе Волковой, сообщая ей, что у Володи Ульянова появился удачный текст выступления. В действительности она говорила что-то очень лестное, но я уже не помню, как именно она выразилась. Тамара показывает мне интересную композицию о нашем курсе: фотографии, стихи, краткие сведения о наших коллегах.

26 мая

Итак, настал долгожданный День. С Мишей Винником мы договорились прийти к 12.00, чтобы отнести в ЦНБ его книгу «Здесь не поют соловьи». Однако в это время уже некоторые наши коллеги пришли к Университету. Кое-кто узнаваем, но с некоторыми пришлось знакомиться. Обнимаемся, целуемся. Постепенно народ прибывает. Юра Нестриженко фотографирует и снимает на видеокамеру. Появился университетский фотограф, расставил нас, сделал несколько снимков и пообещал через пару часов принести готовые отпечатки.

Время приближается к 13.00. Нужно идти в Новую физическую. Володя Маринин дает команду, чтобы я вел народ внутрь здания.

Толпа проходит мимо охранников, которые предупреждены и приветливо пропускают нас. Как ни странно, работают два больших лифта, так что довольно быстро все оказываются в аудитории имени Синельникова. Там достаточно прохладно. Только расселись, как появляется ректор Виль Савбанович Бакиров. Он рассказывает о современной ситуации с нашим Университетом, о недавних празднованиях его 200-летия. Через полчаса ректор закончил выступление, ответил на вопросы и покинул нашу конференцию. По плану настает моя очередь. Вынимаю из кармана рубашки сложенный листок со стихом и тут же вспоминаю, что очки остались на кафедре. Маринин объявляет, что следующим выступает Володя Ульянов. Выхожу и зачитываю свое приветственное сочинение. Очень волнуюсь, руки дрожат, глаза застилают слезы. Последние слова произношу очень громко, перекрывая рыдания многих слушательниц и собственные. Бурные аплодисменты сопровождают мой проход на место. По пути кто-то жмет мне руки. Инна Антыпко бросается мне в объятия. Мы целуемся. Вижу, что ко мне пробирается Алла Мазниченко. Догадываюсь, что она идет за текстом. Передаю ей листик. О том же просит Николай Старунов, но у меня нет копий.

В это время Коля Шеховцов рассказывает об истории создания радиофака. Витя Кунченко зачитывает «коллективный портрет» нашего курса. Среди нас есть люди гораздо старше большинства из нас: разброс по годам рождения – от 1926 до 1936 года. Ветеранам Тамара Смирнова вручает книжки, написанные нашими ребятами.

Дальше начинается художественная часть. Мирослава Ремаева (Ничик) читает фрагменты своих стихотворных воспоминаний и под аккомпанемент своей гитары исполняет песни нашей молодости вместе с небольшим хором: с ней поют Инна Антыпко, Витя Кунченко и Женя Волков. Ярослав Гордиенко – наш ветеран и лучший солист – приносит извинения, что на сей раз не сможет петь. Его все приветствуют. Наконец, Юра Нестриженко показывает кинофильм, снятый им в 1977 году на нашей встрече по случаю 20-летия окончания Университета. Там все еще молоды и узнаваемы, там многие из тех, кого уже давно нет. Замечательный памятник нашему курсу! Хочется смотреть и смотреть, но нельзя злоупотреблять гостеприимством Бориса Михайловича Валиева. Сеанс прерывается...

Закончилось все огромным банкетом.
С.Э.Фриш

Спускаемся в бункер. Рассаживаемся произвольными группами. Начинается банкет. Рядом со мной сидят радостно возбужденный Миша Винник и спокойный Женя Корнилов, тут же тихие Ваня Иванов и Люда Шишова, напротив нас – экспрессивная и общительная

Тамара Виноградова. Раздаются первые тосты. Передо мной стоит оригинальная трехгранная бутылочка с надписью «Ульяновка». Это заботливая Тамара Смирнова специально для меня принесла наливочку собственного приготовления (она вычитала из моих воспоминаний, что я не пью ни водки, ни коньяка). Народ постепенно «разогревается». Шум растет. Миша прорывает блокаду криков, произнося очень удачный тост. Вслед за ним Тамара Виноградова выступает с весьма интересным сообщением о платном обучении школьников и студентов в наше время. На фоне разговоров, тостов, криков трудно распробовать закуску, однако мне показалось, что все было вкусным и разнообразным. Часа через два объявили перерыв. Юра Нестриженко развесил по стенам плакаты с фотографиями. У меня кое-кто просит книги. Притащил несколько штук, хранящихся на кафедре. Продолжаю знакомиться с нашими сокурсницами. Мы дружески обнимаемся и целуемся. Фотограф принес пачку хороших снимков. Раскупаем по 5 гривен. После перерыва подали что-то горячее, а затем угостили мороженым, что оказалось очень кстати. Пировали часов до 8 вечера. На следующий день состоялся пикник в Пятихатках. Юра сказал, что там было человек 25.

Дома еще и еще раз пытаюсь узнать на нашем коллективном снимке, кто есть кто. Там 55 человек. Кое-кто пришел позднее, так что в Юбилее участвовали 60 человек (не все были на банкете). Известно, что некоторые наши сокурсники в последний момент не смогли приехать из других городов из-за резкого ухудшения здоровья: жара была повсеместно. То же касается некоторых харьковчан. Не сомневаюсь, что многие люди просто постеснялись показаться. Ведь жизнь сложилась не у всех так, как хотелось в молодости. Кое-кто, по слухам, вынужден был в девяностые годы идти торговать на базаре. Есть и другие причины, по которым наши бывшие товарищи не смогли прийти на юбилей. Хочется верить, что нас гораздо больше шестидесяти. Все последующие дни нахожусь под впечатлением нашего праздника. Он, несомненно, удался. Метеослужба сообщает, что именно 26 мая жара достигла максимума. Мы опасались, что кому-то может потребоваться медицинская помощь, но народ собрался достаточно выносливый. Жалоб на здоровье, кажется, не было. Праздник прошел с постепенным подъемом общего тонуса, достигнув в бункере апогея. Даже наши ветераны держались хорошо.

Вот каков, по моим представлениям, полный состав Оргкомитета: Наташа Волкова (Охрименко), Тамара Смирнова (Луценко), Мирослава Ремаева (Ничик), Витя Кунченко, Володя Маринин, Женя Волков, Юра Нестриженко, Коля Шеховцов и Володя Ульянов. Итак, наш праздник закончен? Но ведь 50-летие это не один-два дня. Даже нельзя точно датировать окончание нами Университета. Для одних это были последние дни июня 1957 года, когда закончились госэкзамены и защиты дипломных работ, для других – конец июля, когда мы возвратились из военных лагерей и получили дипломы и значки. Таким образом, празднование продолжается.

А.И.Шарапов

До **Кати** лся

Люблю Тебя без права на взаимность
Любовью светлой, нежной, неземной,
Но, к сожаленью, Катя, наша близость
Так непрочна, как хрупкий лёд весной.

И я, волшебным чувством одержимый,
Ложусь на лёд, – надёжней ведь ползти, –
И я ползу к Тебе неудержимо,
Надеясь, что уже на полпути.

Но если суждено мне провалиться
И захлебнуться крошкой ледяной,
Я за Тебя успею помолиться
И унесу с собою образ Твой.

Июнь 2005 года

P.S.

Что бы мне ни говорили,
Все же Катя лучше Лили.
Кате скоро 45,
Лиле, правда, 20.
Все равно пойду опять
С Катею общаться.

Май 2007 года

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой...
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрóй...
А.Твардовский

Фаина Раневская

СЛУЧАИ, ШУТКИ, АФОРИЗМЫ

Раневская обедала в ресторане и осталась недовольна и кухней, и обслуживанием.

– Позовите директора, – сказала она, расплатившись.

А когда тот пришел, предложила ему обняться.

– Что такое? – смутился тот.

– Обнимите меня, – повторила Фаина Георгиевна.

– Но зачем?

– На прощание. Больше вы меня здесь не увидите.

——

Раневская называла Завадского... перпетуум кобеле.

——

Великая русская актриса Александра Яблочкина пребывала в девицах до старости.

Как-то она спросила у Раневской, как, собственно, занимаются любовью. После подробного рассказа Раневской Яблочкина воскликнула:

– Боже! И это все без наркоза!!!

Часть 1-я
А.С.Дзюба. Пальто.
В.А.Перваков. Три случая с Б.И.Веркиным.
З.И.Сизова. Анастасия Титовна.
Н.Ф.Агафонова. Легендарный комсорг.
В.В.Ульянов. Случай на защите диссертации.
В.В.Ульянов. Аполлон.
В.В.Ульянов. Удивительный декан.
А.И.Шарапов. Из цикла “30 случаев с майором Паракой”.

Часть 2-я
И.Г.Иванов. Ремонтный кошмар.
И.Г.Иванов. Из цикла “Матримониальные истории”.
А.И.Шарапов. Оптическая легенда.
Б.В.Кондратьев. Из цикла “Сессионные приключения”.
Б.А.Мерисов. Мортирка.
Б.А.Мерисов. Из цикла “30 случаев с майором Паракой”.
Б.А.Мерисов. Ниспровергатель.
В.В.Ульянов. Ходоки.
В.В.Ульянов. Уникальный студент.
Ультракороткие истории.

Часть 3-я
Б.В.Кондратьев. Из цикла “Матримониальные истории”.
Г.Т.Николаев. Весна.
В.В.Козинец. Дерзкое начало.
В.В.Козинец. Из цикла “Сессионные приключения”.
В.В.Козинец. Ильич.
В.В.Козинец. Китайский секрет.
В.В.Ульянов. Фалько. Из цикла “К портретам деканов”.
Н.Ф.Агафонова. О встрече с вождем.
А.И.Шарапов. Дифракция.
Г.С.Бляшенко. Из цикла “30 случаев с майором Паракой”.
Ультракороткие истории.
Краткие сведения об авторах.

Часть 4-я
И.П.Гребенник. Из цикла “Сессионные приключения”.
И.П.Гребенник. Из цикла “Физматовцы на отдыхе”.
И.П.Гребенник. Из цикла “К портретам деканов”.
И.П.Гребенник. Из цикла “Вокруг Бориса Яковлевича”.
В.В.Ульянов. Из цикла “Физматовцы на отдыхе”.
Г.С.Бляшенко. Проделки с вакуумом.
Б.А.Мерисов. Из цикла “Дипломники”.
Дополнения и уточнения.
Краткие сведения об авторах.

Часть 5-я
Б.М.Валиев. Финт. Из цикла “Сессионные приключения”.
Б.М.Валиев. Шаман.
И.П.Гребенник. Спорт на физмате.
З.И.Сизова. Воспоминание о будущем.
Б.А.Мерисов. Из цикла “Среди аспирантов”.
Г.С.Бляшенко. Т С О.
И.П.Гребенник. Фронтовики на физмате.
В.В.Ульянов. Две книги.
И.П.Гребенник. Из цикла “Дипломники”.
И.П.Гребенник. Из цикла “О лекторах и лекциях”.
Краткие сведения об авторах.

Часть 6-я
А.А.Креснин. На физмате.
В.В.Пустовалов. Новогоднее поздравление акад. А.К.Вальтера.
В.Г.Барьяхтар. В.В.Еременко в моей жизни.
В.Г.Манжелий. Чай в его жизни.
Ф.С.Рофе-Бекетов. Джером Джером по-деснянски.
К.П.Яцук. Из цикла “Сессионные приключения”.
В.В.Ульянов. Выпускные альбомы физмата.
И.П.Гребенник. Из цикла “Вокруг Бориса Яковлевича”.
И.П.Гребенник. Из цикла “На лабах”.
Ультракороткие истории.
Краткие сведения об авторах.

Часть 7-я
Н.А.Рогинкина. Физматовская песня.
Г.Т.Николаев. Из истории УФТИ.
Ф.С.Рофе-Бекетов. К банкету выпускников 1955 года.
З.И.Сизова. Новогоднее.
З.И.Сизова. Февральские.
З.И.Сизова. Родившимся ранней весной.
З.И.Сизова. Поздравления.
З.И.Сизова. Будущим магнитчикам.
З.И.Сизова. От улыбки хмурый день светлей.
В.В.Ульянов. Элегия.
В.В.Ульянов. Леонид Степанович.
А.И.Шарапов. Завихрения.
Ю.П.Степановский. Об озорных баснях В.Масса.
Краткие сведения об авторах.

Часть 8-я
В.К.Тартаковский. Письмо Б.В.Кондратьеву.
В.В.Ульянов. Желеховский. Из цикла “К портретам деканов”.
К.П.Яцук. Из цикла “О лекторах и лекциях”.
К.П.Яцук. Первые шаги в науку.
И.П.Гребенник. Из цикла “Среди аспирантов”.
Ультракороткие истории.
Краткие сведения об авторах.

Часть 9-я
В.В.Пустовалов. Дела давно минувших дней (1950-1951 гг.).
И.П.Гребенник. К фотографии.
В.В.Ульянов. Наш курс выпуска 1957 года.
Г.С.Бляшенко. Гонки по лестничным пролетам.
К.П.Яцук. Поселок Научный и собаки.
Краткие сведения об авторах.

Часть 10-я
И.П.Гребенник. Я и мое детище-электронограф.
К.П.Яцук. Дипломная работа в УФТИ.
К.П.Яцук. К диплому в УФТИ.
К.П.Яцук. Мои две невстречи с вождем.

В.В.Ульянов. Фрагмент баллады “Ермолаев”.
Ультракороткие истории.
Содержание первых десяти частей ЛЕГЕНД.
Краткие сведения об авторах.

Часть 11-я
Г.Т.Николаев. Любовь физика.
Г.Т.Николаев. Басня “Кот-теоретик”.
В.Я.Бирюков. Басня “Козел-экспериментатор”.
Я.С.Кан. Мойдодыр на физмате.
А.С.Мильнеру - от кафедры общей физики.
К.П.Яцук. Зимний ночной Алибек.
К.П.Яцук. Переклади сонетів Шекспіра.
К.П.Яцук. Октябрь.
Л.П.Яцук. Цикл стихотворений.
Ф.С.Рофе-Бекетов. О чем мы пели в лагерях.
В.В.Ульянов. Стихотворцу.
А.И.Шарапов. Ироническое.
Краткие сведения об авторах.

Часть 12-я
И.П.Гребенник. Воспоминания о поступлении на физмат.
Т.С.Чебанова. Первая сессия.
И.П.Гребенник. Две фотографии.
И.П.Гребенник. Случай на консультации.
В.Я.Малеев, В.В.Пустовалов. Проф. Я.Е.Гегузину в честь его 60-летия.
В.В.Пустовалов. Дела давно минувших дней (1950-1951 гг.). Продолжение.
Л.А.Боярский. Еще немного о “Векторе”.
В.В.Ульянов. Яркие события первого семестра.
Ультракороткие истории.
Содержание двенадцати частей ЛЕГЕНД.
Краткие сведения об авторах.

Краткие сведения об авторах этой и предыдущих частей сборника “Легенды и были старого физмата”

Агафонова Нина Филипповна – выпуск 1968 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Барьяхтар Виктор Григорьевич – выпуск 1953 года, работает в Киеве.

Бирюков Валентин Яковлевич – данных пока нет.

Бляшенко Глеб Степанович – выпуск 1957 года, работал на кафедре экспериментальной физики.

Боярский Леонид Александрович – выпуск 1955 года, работает в Новосибирском госуниверситете.

Валиев Борис Михайлович – выпуск 1979 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Гапон Эльвира Васильевна – выпуск 1961 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Гребенник Ирина Петровна – выпуск 1952 года, работала на кафедре физики твердого тела.

Дзюба Александр Сергеевич – выпуск 1957 года, работал на кафедре физики кристаллов.

Иванов Иван Георгиевич – выпуск 1957 года, работает на кафедре физики твердого тела.

Кан Яков Самойлович – выпуск довоенных лет Ленинградского физико-технического института, работал в УФТИ и на физмате.

Кованько Нина Матвеевна – выпуск 1950 года.

Козинец Владимир Васильевич – выпуск 1958 года, работает на кафедре физики низких температур.

Кондратьев Борис Викторович – выпуск 1955 года, работает на кафедре высшей математики.

Креснин Анатолий Андреевич – выпуск 1955 года,работал в ХФТИ.

Мазель Евгений Зиновьевич – выпуск 1953 года.

Малеев Владимир Яковлевич – выпуск 1953 года, работает в ИРЭ.

Манжелий Вадим Григорьевич – выпуск 1955 года, работает во ФТИНТе.

Мерисов Борис Александрович – поступил на физмат в 1950 году, работает на кафедре физики низких температур.

Николаев Георгий Трофимович – выпуск предвоенных лет Ростовского университета, работал в УФТИ и на физмате.

Перваков Виталий Александрович – выпуск 1951 года, работал на кафедре физики низких температур.

Пустовалов Виталий Валентинович – выпуск 1953 года, работает во ФТИНТе.

Ривкина Эсфирь Моисеевна – выпуск 1950 года.

Рогинкина (Воронель) Нинель Абрамовна - выпуск 1953 года, работала в Москве.

Розенберг Владимир Яковлевич – выпуск 1952 года.

Рофе-Бекетов Федор Семенович – выпуск 1955 года, работает во ФТИНТе.

Сизова Зинаида Ивановна – выпуск 1956 года, работает на кафедре общей физики.

Степановский Юрий Петрович – выпуск 1960 года, работает на кафедрах теоретической и экспериментальной физики.

Тартаковский Виктор Константинович – выпуск 1955 года, работал в КГУ.

Ульянов Владимир Владимирович – выпуск 1957 года, работает на кафедре теоретической физики имени академика И.М.Лифшица.

Хижковый Василий Петрович – выпуск 1961 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Чебанова Татьяна Сергеевна – выпуск 1954 года, работала на кафедре теоретической физики.

Шарапов Анатолий Иванович – выпуск 1957 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Яцук Клара Прокофьевна – выпуск 1952 года, работает на кафедре физики сверхвысоких частот радиофака.

Яцук Людмила Прокофьевна – выпуск 1960 года, работает на кафедре прикладной электродинамики радиофака.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие 3

Э.М.Ривкина и Н.М.Кованько. Наш физмат 4

В.Я.Розенберг. Первые впечатления о физмате 13

Е.Мазель. Мои университеты 14

В.К.Тартаковский. Воспоминания об А.Н.Рязанове. . 25

В.К.Тартаковский. Воспоминания об А.Г.Ситенко. . 32

В.К.Тартаковский. Временное превращение физика в филолога 34

В.В.Ульянов. Фриш и Тиморева 37

В.В.Ульянов. Нас было 245 39

А.И.Шарапов. До **Кати** лся. 43

Ультракороткие истории. 44

Содержание предыдущих частей ЛЕГЕНД. 45

Краткие сведения об авторах 49

Ювілейне видання

Ніна Матвіївна Кованько

Євген Зіновійович Мазель

Есфірь Мойсеївна Ривкіна

Володимир Якович Розенберг

Віктор Костянтинович Тартаковський

Володимир Володимирович Ульянов

Анатолій Іванович Шарапов

ЛЕГЕНДИ ТА БУВАЛЬЩИНИ СТАРОГО ФІЗМАТУ

ЗБІРКА РОЗПОВІДЕЙ

Частина тринадцята

Відповідальний за випуск О.М.Єрмолаєв

Підп. до друку 5.02.08. Формат 60x84 1/16. Папір офсетний.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 2,7. Обл.-вид. арк. 3,2.
Тираж 50 прим. Ціна договірна.

ХНУ, 61077 Харків, пл. Свободи, 4.
Видавничий центр
Віддруковано П.П. "Азамаєв"
61144, Харків, вул. Героїв праці, 17

Издания кафедры теоретической физики имени академика И.М.Лифшица (вклад В.В.Ульянова)

К 200-летию Харьковского университета

Серия монографий и учебных пособий

1. В.В.Ульянов
   ВСТУП ДО КВАНТОВОЇ КІНЕТИКИ. – 2004.
2. Ю.В.Василевская, В.В.Ульянов
   НОВЫЕ КВАЗИТОЧНОРЕШАЕМЫЕ МОДЕЛИ В КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ СПИНОВЫХ СИСТЕМ. – 2005.
3. Е.Н.Синельник, В.В.Ульянов
   ФРАКТАЛЫ: ОТ МАТЕМАТИКИ К ФИЗИКЕ(+CD). – 2005.
4. В.В.Ульянов
   О КВАЗИКЛАССИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЧАСТИЦ В ПОЛЯХ С ОСОБЕННОСТЯМИ. – 2002.
5. В.В.Ульянов
   ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ.Ч. 1. – 2002.
6. В.В.Ульянов
   ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ.Ч. 2. – 2002.
7. В.В.Ульянов
   К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 1. – 2003.
8. В.В.Ульянов
   К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 2. – 2003.
9. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 3. – 2004.

Готовятся к изданию

10. В.В.Ульянов
    КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КВАНТОВЫХ ЯВЛЕНИЙ
11. В.В.Ульянов
    СОЛИТОННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ В КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ

Серия воспоминаний о Детях физмата

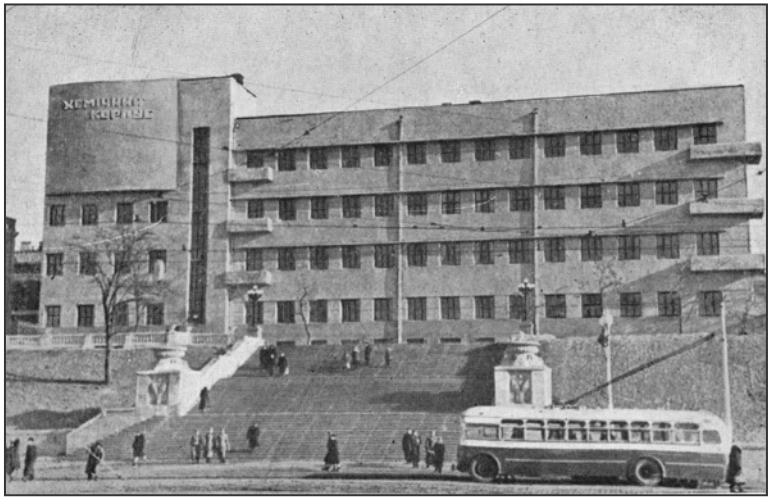
1. В.В.Ульянов
   АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ Ш А Р А П О В. – 2002, 2007(CD).
2. В.В.Ульянов. Н А У Н И В Е Р С И Т Е Т С К О Й. – 2002,2007(CD).
3. В.В.Ульянов. М О Й Д Р У Г Т О Л Ь К А (А Н А Т О Л И Й Г А В Р И Л О В И Ч К Л А Д К О В О Й). – 2002, 2007(CD).
4. ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА
   Ч.I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Дзюба А.С., Перваков В.А., Сизова З.И., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2002.
   Ч. I I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Бляшенко Г.С., Гапон Э.В, Иванов И.Г., Кондратьев Б.В., Мерисов Б.А., Ульянов В.В., Хижковый В.П., Шарапов А.И. - 2002.
   Ч.I I I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Бляшенко Г.С.,КозинецВ.В., Кондратьев Б.В., Николаев Г.Т., Ульянов В.В.,Шарапов А.И.- 2002.
   Ч.IV. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Гребенник И.П., Мерисов Б.А., Ульнов В.В., Чебанова Т.С. - 2002.
   Ч.V. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Валиев Б.М., Гребенник И.П., Мерисов Б.А., Сизова З.И., Ульянов В.В. - 2002.
   Ч.VI. Сборник рассказов. Барьяхтар В.Г., Гребенник И.П., Креснин А.А., Манжелий В.Г., Пустовалов В.В., Рофе-Бекетов Ф.С., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003.
   Ч.VII.Сборник стихов.Николаев Г.Т.,Рогинкина Н.А.,Рофе-Бекетов Ф.С., Сизова З.И., Степановский Ю.П., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2003.
   Ч.VIII. Сборник рассказов. Гребенник И.П., Тартаковский В.К., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003.
   Ч.IX. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Гребенник И.П., Пустовалов В.В., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003..
   Ч.X. Сборник рассказов. Гребенник И.П., Ульянов В.В., Хижковый В.П., Яцук К.П. - 2003.
   Ч.XI. Сборник стихов. Бирюков В.Я., Кан Я.С., Николаев Г.Т., Рофе-Бекетов Ф.С., Ульянов В.В., Шарапов А.И., Яцук К.П., Яцук Л.П. - 2003.
   Ч.XII. Сборник рассказов. Боярский Л.А., Гребенник И.П., Малеев В.Я., Пустовалов В.В., Ульянов В.В., Чебанова Т.С. - 2004.
   Ч.XIII. Сборник рассказов. Кованько Н.М., Мазель Е.З., Ривкина Э.М., Розенберг В.Я., Тартаковский В.К., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2008.
5. В.В.Ульянов. КАК МЫ ПРАЗДНОВАЛИ 50-ЛЕТИЕ ОКОНЧАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА (+CD). – 2007.

Серия воспоминаний о жизни в XX веке

1. В.В.Ульянов
   Д О В О Й Н Ы (1934-1941). – 2002.
2. В.В.Ульянов
   В О Е Н Н Ы Е Г О Д Ы (1941-1945). – 2002.
3. В.В.Ульянов
   В Ш К О Л Е (1945-1952). – 2002.
4. В.В.Ульянов
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1934-1950). – 2003.
5. В.В.Ульянов
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1951-1954). – 2003.
6. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1955-1957). – 2003.
7. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
   Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1958-1961). – 2003.
8. В.В.Ульянов. Д В А Д Н Я В А Л У Ш Т Е. – 2003. (Волейбольные грёзы)
9. В.В.Ульянов. Д В А Д Ц А Т Ы Й Д О М. – 2003.
10. В.В.Ульянов. 5 0 Л Е Т С П У С Т Я. – 2003.
11. В.А.Ульянов
    ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ. – 2003.
12. В.А.Ульянов. МОЯ ПОЕЗДКА В США И ОБРАТНО. – 2003.
13. В.А.Ульянов. С Т Р А Н И Ч К И Ж И З Н И. – 2003.
14. В.В.Ульянов
    Р О Д О С Л О В Н А Я Н А Ш Е Й С Е М Ь И. – 2004.
15. В.В.Ульянов
    П О Л В Е К А В У Н И В Е Р С И Т Е Т Е. – 2004.
16. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
    Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1962-1967)+CD. – 2006.
17. В.В.Ульянов
    П О Л В Е К А В У Н И В Е Р С И Т Е Т Е (2-е изд., доп.). – 2007.
18. В.В.Ульянов
    М О Я М У З Ы К А Л Ь Н А Я И С Т О Р И Я (+DVD).– 2008.
19. В.В.Ульянов
    ВИКТОР ЕВГЕНЬЕВИЧ Р У Б А Н О В И Ч (+CD).– 2008.

К 200-летию Харьковского университета

Серия воспоминаний об ученых-физиках

1. В.В.Ульянов
   И Л Ь Я М И Х А Й Л О В И Ч Л И Ф Ш И Ц. – 2001, 2007(+DVD).
2. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   М О И С Е Й И С А А К О В И Ч К А Г А Н О В. – 2001.
3. В.В.Ульянов. ЛЕВ ЭЛЕАЗАРОВИЧ ПАРГАМАНИК. – 2002.
4. В.Г.Песчанский, В.В.Ульянов
   Л Е О Н И Д С Т Е П А Н О В И Ч Г У Л И Д А. – 2002.
5. В.В.Ульянов
   Б О Р И С И Е Р Е М И Е В И Ч В Е Р К И Н. – 2002.
6. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   А Р Н О Л Ь Д М А Р К О В И Ч К О С Е В И Ч. – 2002.
7. В.В.Ульянов
   В И К Т О Р М О И С Е Е В И Ч Ц У К Е Р Н И К. – 2002.
8. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ П Е С Ч А Н С К И Й. 2002.
9. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
   Э М А Н У И Л А Й З И К О В И Ч К А Н Е Р. – 2002.
10. А.М.Ермолаев, Ю.П.Степановский, В.В.Ульянов
    А Л Е К С А Н Д Р И Л Ь И Ч А Х И Е З Е Р. – 2002.
11. В.В.Ульянов
    АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ Ж Е Л Е Х О В С К И Й. – 2003.
12. В.Г.Песчанский, В.В.Ульянов
    В Л А Д И М И Р П Е Т Р О В И Ч Г А Л А Й К О. – 2003.
13. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
    И Г О Р Ь И В А Н О В И Ч Ф А Л Ь К О. – 2003.
14. Г.И.Рашба, В.В.Ульянов
    АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ Е Р М О Л А Е В. –2003.
15.

16. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
    О Л Е Г И В А Н О В И Ч Л Ю Б И М О В. – 2005.
17. В.В.Ульянов. Л А Н Д А У В Х А Р Ь К О В Е. – 2008.